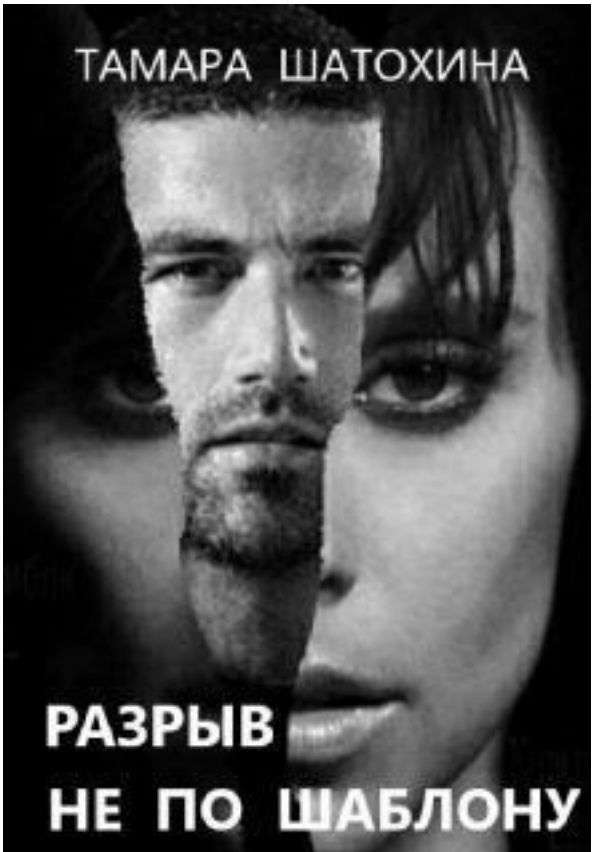

ТАМАРА ШАТОХИНА

**РАЗРЫВ
НЕ ПО ШАБЛОНУ**

Тамара Шатохина

Разрыв не по шаблону

<https://litres.ru/74383863>

Аннотация

Что вообще принято считать изменой? Уже случившуюся физическую близость, просто поцелуй или неправильный взгляд и не те слова? Наверное, свой болевой порог есть не только у тела, но и у души тоже - высокий или низкий. И еще - "бесплатных ошибок не бывает - каждая имеет свою цену".

История Марины в следующей книге цикла "Мужские измены" - "Хочу домой! Нагулялся".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	60
Глава 8	70
Глава 9	81
Глава 10	94
Глава 11	105
Глава 12	117
Глава 13	127
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Глава 1

- Мамацька! Эта зы я!

- Яся! Конечно, мама узнала свою девочку! И очень сильно соскучилась. Как вы там отдыхаете? Хорошо? - защебетала в ответ и я тоже.

- Мы! Отдыхаем. Я и папа, и Лена...

- А-а...?

Сердце дернулось, замерло... Звуки перестали проникать в уши, будто туда воткнули пробки. Смысла того, что громко говорил потом в трубку Вадим, я уже не улавливала. Уставившись в стену и слепо пошарив рукой, отложила телефон, ткнула куда-то там... В груди сильно и как-то упруго дернулось. И опять, и снова... а потом сдавило. От страха онемели кончики пальцев и бросило в холодный пот.

Осторожно опустившись в кресло, сипло задышала пережатым горлом, прокашлялась. Как ни странно, это помогло. Во всяком случае, сердце я перестала чувствовать. Когда органы работают нормально, их же не ощущаешь? До сих пор все так и было.

Лена, значит... Зябко обхватив плечи руками, я как-то странно захрипела на выдохе, жадно вдохнула и застыла с сухими глазами. Заорать, что ли? Выораться от души, как не могла позволить себе тогда, когда впервые услышала это имя сквозь шум воды:

- «Лена... да, милая, и я тоже... скучаю... до завтра?»

Янка тогда тянула меня мимо ванной, сосредоточенно и целенаправленно – к своему музыкальному горшку. Присев на него в годик, она, похоже, полюбила это дело, потому что по окончании процесса ее всегда расхваливали и всячески поощряли. Перестарались с этим, скорее всего - теперь каждый раз в обязательном порядке следовало петь ребенку дифирамбы. А когда она заговорила, то еще и научилась грамотно рекламировать достигнутые результаты. С этим нужно было что-то делать, а мы с Вадимом просто потешались, потому что получалось у нее очень забавно. В корне неправильное отношение. Вот вернутся и сразу нужно начинать как-то переключать ее внимание...

Что-то мелькнуло в глубине сознания, мысль обрисовалась, выкристаллизовалась... К этому времени телефон перестал надрываться, и только услышав звенящую в ушах тишину, я поняла, что перед этим шел вызов. Потеряно удивилась - надо же... будто отсекло от мира. Но то, что уже надумала себе, никуда не делось. Пальцы срывались с кнопок, не попадали. Вадим ответил сразу же:

- Трубку бери, когда звоню! Не хочу, чтобы ты сделала неправильные выводы из Янкиных слов. Я немного приболел, поэтому взял ей...

- Головой отвечаешь за нее! Ты меня слышишь? Я тебе глотку вырву, я выгрызу ее на хрен! Зарою живого! – бесновалась я.

- Ксюша...? – чуть помолчав, заговорил мой муж с каким-то новым выражением... озадаченным что ли? – ты чего паникуешь? С чего ты взяла, что ей что-то угрожает?

- Не смей оставлять моего ребенка на чужую бабу, Вадим! Ты уверен, что эта... Лена уследит за ней? Я доверила тебе дочку, как человеку... отцу. Где она спит? Где она спит, пока вы там...? – задохнулась я словами и пониманием...

- Прекрати сейчас же! - отчеканил он, - Лена это просто...
- Головой отвечаешь за ребенка! Тебе не жить, если что!
- Ксюша, послушай меня, - опять изменился тон его голоса, став крайне убедительным и авторитетным. А у меня скулы свело... морда адвокатская! Что он собирается мне втирать? Кипела, но слушала: - Все хорошо, не нервничай, пожалуйста... все не так, как ты себе надумала. Ты что – не доверяешь мне? Лена, это няня, котор...

- Пра-авда? - трясло меня, - не напрягайся так... муж. Захотелось тебе и просто перешагнуть через меня? Ну, раз так, то и я тоже... перешагну.

- Да что ты несешь, Ксения?! - зарычал в трубку Вадим и я услышала, как рядом с ним захныкала Яна. Но договорила:

- Правду! Очень прошу тебя - сейчас, когда я не могу подстраховать тебя с Янкой, думай в первую очередь о ней. У тебя будет время на все остальное, я тебя отпущу... на все четыре. Да хоть на хрен! Больше так все равно не смогу. Я уйду, мы с Яной уйдем, радуйся! Гуляй! Свобода! И не нужно прятаться в ванной с телефоном. Да?! Но сейчас... сука,

привези мне дочку живую и здоровую, ты слышишь меня?

Сердце таранило ребра, кровь рвала виски, тряслись руки... а трубке стояла тишина... очевидно, ему понадобилось время осознать, что я все знаю. А еще поверить, наверное, что тут и сейчас точно я ору – его уравновешенная, спокойная дура-жена, которая раньше никогда не позволяла себе... соответствовала изо всех сил. Ну, а теперь все правильно – хабалка же... и понаехала.

- Дура! - ожила трубка, - что ты там себе...?!

Она самая. На оскорбление не ответила - первая позволила себе.. и слушать дальше тоже не стала – смысла не было. Какой дурак сознается вот так? Это же дело принципа! Вот когда обдумает все, выстроит доказательную базу, собьет координаты, перенаправит вектор... тогда и обвинит во всем меня, а заодно и весь мир. Он же мужик, а значит – всегда прав! А еще профессия - виноват не может быть по определению. Да он понятия не имеет, что такое извиняться! Даже если виноват. Замолчать свою вину, задарить ее, сделать вид, что не было ничего – это да. Но признать вслух... ага, сейчас!

Притихла, обнимая колени и прикрыв глаза, а сознание, наконец, обрисовало картину в целом: его частые задержки на работе, беспричинные перепады настроения, отсутствие близости сколько - месяц, больше? А еще Виктор и Слав, к которым он вдруг проникся дружбой в квадрате. Это же и они знали? Это же они отпрашивали его почти на каждые

выходные последнее время? А Марина и Валя? Они тоже? Две семейные пары - давние друзья мужа? Не мои.

Просидела так почти час. Во дворе уже не слышалось шума машин и ветер тоже стих. Наверное, под вечер стало совсем тепло – лето же. Женский голос за окном позвал Аленку; постукивая каблучками, кто-то сбежал по ступеням в подъезде; хлопнула дверь вниз, протопал соседский ребенок по нашему потолку. Живые люди рядом...

А ведь я все понимала и раньше, да что там – знала! Потому что это было... не знаю - как общеизвестные штампы. Просто классика! Все, как по шаблону – прямо с порога в душ, тряпки свои сразу в машинку... Ну, и тот разговор в ванной. Почему я смолчала тогда? Тормознулась на этой теме, будто поплыла сознанием, как в густом тумане заблудилась. Слишком резко, слишком неожиданно все! Куда бросаться, что делать? Орать, лошадку звать?

Уснула в тот вечер в каком-то странном состоянии, а утром решила для себя, что мне послышалось - что-то не так поняла, все же вода бежала и говорил он тихо. Тем более, что «завтра» Вадим вовремя был дома, все у нас было хорошо и Янка сама носила ему свой горшок с музыкой, чтобы похвастаться. Мы слегка журили ее, но все же смеялись. Я внушила себе, уговорила себя... Не хотела верить, не могла, просто отказывалась!

И в телефон его не лазила, переписку и звонки не проверяла. Тоже, наверное, поэтому – боялась узнать поганую

правду. Доверие или есть или его нет. Если нет, тогда нужно рвать сразу, потому что дальше теряется смысл всего. Наверное, тогда я просто не готова была... должен был наступить настоящий предел. И я просто внушила себе это доверие, давая нашей семье еще один шанс.

А теперь в отпуск к морю он потянул эту... Хотя все его внимание должна занимать Янка. Потому что первый раз рядом с дочкой только он - отец, а у меня чертова работа! И всю эту неделю вместо ребенка его внимание занимает... кто? Няня? Даже не смешно! Перед тем, как взять няню, он должен был посоветоваться со мной, хотя бы поставить в известность, сообщить. Все-таки это ответственность, а еще и траты. И что сообщать? Что ему зачем-то понадобилось свободное от ребенка время? Бред, а не оправдание! Яське два и пять... у нее шило в мелкой хитрой заднице и ума палата. Да с нее глаз нельзя спускать!

Беспокойство, бессильное отчаяние из-за невозможности оказаться рядом с дочкой прямо сейчас, злость, обида, страх! Я не находила себе места. Вскочила, ходила по квартире... Нужно было что-то делать, выговориться, посоветоваться, а с кем? Все зыбко, неопределенно... к маме с этим точно нельзя, она сразу запаникует, станет выпрашивать, выяснять, сорвется еще сюда со своего края света. Всегда придает огромное значение самым мелким мелочам, если дело касается меня. Да еще и дополнительная сложность теперь – престарелый муж ее. Какая там может быть реакция? Он

проникся по какой-то причине, родней меня считает. А на деле – никого рядом... Кроме Марины и Вали, близких знакомых в этом городе у меня нет. На работе – работа, дома – семья, редкие походы в гости к ним же. До рождения Янки мы еще хоть куда-то выходили...

Телефон опять звонил... Вадим. Чуть подумав, я все же ответила:

- Да! Что случилось?

- Ничего страшного не случилось, - прошепестел мне в ухо молодой женский голос, - Вадим...

Я осторожно отложила телефон, будто он был отлит из хрупкого стекла. Потерянно огляделась вокруг, пошла в спальню и зачем-то стала одеваться. Чулки, белый кружевной комплект, сизо-серое платье-чулок, туфли на высоком каблуке. Бронзовый оттенок волос красиво контрастировал с мерцающей перламутром тканью... оставила их распущенными. Легкий повседневный макияж еще не смыт... хорошо. Это хорошо... губы только накрасить ярче. Вызвала такси со скидкой. Как спускалась вниз, не помнилось – долго, медленно? И надо же... быстро как сработали. Подошла, открыла дверку, села на заднее сиденье.

- Добрый вечер. В кабак... клуб, бар какой-нибудь – где люди... много людей, - попросила, откидываясь на сидении и крепко сжимая веки. Тошнило то ли от бешенства, то ли от омерзения.

- Совершенно все равно – куда? – поинтересовался так-

сист.

- Почему? – отстраненно удивилась я. Выплывала откуда-то, примучивая себя, прилагая настоящие усилия, чтобы мыслить продуктивно. И правда! Куда? Надумала...

- Туда, где мужчины интереснее, чтобы не гопники.

Отъехавшая уже от подъезда машина опять аккуратно припарковалась у тротуарной бровки.

- Даже так? - задумчиво протянул мужчина, - тогда... как вам я?

Я вгляделась в мужской профиль, а он развернулся еще удобнее, облегчая обзор. Темновато, свет неудобно падает, но в общих чертах... очень коротко стриженный брюнет лет так... А кто его знает? Как-будто не старый и не страшный.

- Посмотрим... поехали, - опять прикрыла я глаза. Пока перебрасывались фразами, в голове чуть прояснилось, но все равно - все внутри просто орало, требуя решительных действий. И неважно каких. Чего угодно... оставаться сейчас дома наедине с телефоном, выискивая оправдания Вадиму не было сил. А я ведь обязательно найду эти оправдания, потому что больше всего на свете хочу, чтобы все у нас было, как раньше. Жила же я последнее время в иллюзии? И получится, как в том анекдоте: «...ты же у меня умная, придумай сама что-нибудь?». А я, как показали эти полтора месяца, очень умная, просто запредельно - даже не напряглась, придумывая - отсекала и все.

Телефон! Остался на столе... Ничего, все завтра – решать,

говорить... Но для этого мне нужен какой-то багаж за плечами, запас сил и прочности, минимальное чувство удовлетворенности... хотя бы мстью. Сорвать стоп-кран, выплеснуть скопившуюся в душе гадливую горечь, проклятое отчаяние! И чтобы вместо этого... да все, что угодно. Мне нужно знать и верить, что я способна... на что-то умное сейчас – вряд ли. Но хотя бы на равнозначный ответ. Мне нужно... да не знаю я! Просто не ощущать себя использованной тряпкой, не провалиться с головой во все это, не спустить опять на тормозах! Если сейчас удержусь на плаву, то дальше точно не пропаду.

- Куда мы едем? – попыталась я хоть как-то контролировать ситуацию.

- Гостиница. Это рядом.

- Я без документов, - выдохнула я, - и потом... я ничего вам не обещала.

- Тогда вначале ресторан? – по-деловому предложил мужчина. Такое спокойное, ровное отношение к странной (на любой взгляд) ситуации почему-то понравилось, но...

- А? - не поняла я, - вы же на работе. Какой ресторан, какая тогда... вообще гостиница?

- Прогуляю разок ради такого случая, - усмехнулся он.

Захотелось сказать что-то ироничное и едкое в ответ, но сообразить - что, суметь... видно - не мое, или не в этот день. Так что получилось не в тему и вообще... донельзя глупо:

- А защита... с собой есть?

- Железобетонная, - заверил мужчина, - не нервничайте так, расслабьтесь.

- Я ничего не обещала, - напомнила я, сгорая от стыда, но вместе с тем исполняясь агрессивной решимостью: - Не терплю нерях и вообще... первое впечатление...

- ... состоялось, - тихо хмыкнул мужчина, - и давай уже на «ты». Приехали, посиди.

Я непонятливо замерла - взаимоисключающие замечания. Смотрела куда он меня завез - здание гостиничного комплекса было ярко подсвечено, на площади перед ним «танцевал» фонтан... светомузыка, фигурные лавочки, парочки и даже целые компании по причине замечательной погоды - «Сюита», что возле оперного, самая роскошная гостиница города. Я внимательнее, будто только проснувшись, огляделась в машине – нет рации, как в такси, нет пыли на приборной панели и затасканных чехлов. Господи! Да мне даже не успели перезвонить, подтвердив заказ и назвав цвет и марку машины! И телефон дома... с чего я взяла, что это такси? Потому что машина стояла у моего подъезда?

Решив по телефону какие-то свои вопросы, мужчина открыл для меня дверку и предложил руку. Приятный парфюм, темные классические брюки, мягкий световой блик на дорогой коже ремня, светлая рубашка, галстук, ветровка... меня сбила с панталыку эта ветровка. Не спортивная – классический вариант, но все равно! Если бы на нем был пиджак, я сориентировалась бы раньше. Или нет?

- Извините, я... все это нервы, - бросила я ему, постаравшись прилично выйти из машины без его помощи. Справилась как будто, развернулась и пошла в сторону остановки. Озарило вдруг, что денег с собой нет, ключей тоже. С ума сойти... дверь хоть захлопнула? Даже сумочку не взяла... куда меня понесло безо всего, в какой клуб, о чем вообще думала? Но на удивление, сейчас я не чувствовала ни растерянности, ни паники. Фигня вопрос - пойду ходить. Устанут ноги - разуюсь, чулки стяну... по летнему асфальту можно и босиком. Отдохну потом где-нибудь на лавочке, посижу. Как-нибудь дойду за ночь, тут идти-то... километров пять-семь.

- С таксистом все проще? – кинул вдогонку мужчина, потом тихо чертыхнулся и мирно попросил:

- Подождите, не уходите, приглашаю вас... мы просто поговорим.

- Ага... – остановилась я, не веря ему ни на грамм, но реально так представив, что все же дошла до дома, а там телефон на столе. Мне нельзя туда... Здесь же и сейчас все происходящее было настолько дико и странно, что казалось - можно все, что угодно. И даже нужно. Я же за этим шла? До этого... раньше я никак не могла бы оказаться в подобной ситуации, а сейчас все казалось каким-то... проходящим, что ли? Не таким и важным по сравнению с тем, что делалось в моей жизни. Важна была только Яська... ну и я, но еще не раздавленная окончательно свежим женским голоском в те-

лефоне мужа. Мне нужна была помощь... любая.

- Пошли, - решительно повернула я обратно.

Глава 2

В вестибюле первым делом я постаралась рассмотреть его. Несмотря на всю абсурдность ситуации, разглядывать мужчину в упор было неудобно. Но, бросая короткие взгляды между отстраненными фразами: «вы...ты бывал уже здесь?», «номер дали без проблем – мимо документов?», свои выводы о его внешности я сделала. И получалось - не то, чтобы мужик - погибель девичья... так мне от него и не рожать. Это даже хорошо, что не очень нравится, да и не должен.

Закидать неловкость пустыми фразами не получилось и по мере продвижения лифта что-то медленно сжималось у меня внутри - под горлом. Похоже, именно оттуда и расходилась по всему телу эта противная дрожь – особенно руки... и челюсть будто свело. Когда мужчина опять о чем-то спросил, ответить я не смогла. Попыталась... и просто растянула губы в резиновой улыбке. Чувство было - стоит только открыть рот и сразу зубы начнут стучать друг о друга.

- Э-э-э... так дело не пойдет, - пробормотал он, выпуская меня из лифта. В длинном коридоре было так же чисто и красиво, как и в вестибюле гостиницы – и это все, что отметило мое сознание, отдельные детали не воспринимались.

Зачем так мучить себя – поражалась я сама себе. Когда мне нужны сейчас исключительно положительные эмоции. А я тут ломаю себя через колено, устроила такой дикий экс-

трим... мало мне того, что имею?

- Я н-не уверена даже на счет пог... говорить, - попыталась я когда мы уже вошли в номер.

Впечатление было – дом родной для него. Пока я потерянно оглядывалась вокруг, он быстро и уверенно прошел к холодильнику и достал оттуда небольшую плоскую бутылочку. С хрустом свернул пробку. Так же отлично ориентируясь – где что, достал откуда-то пузатый коньячный бокал и налил его коричневатой жидкостью чуть ниже золотого ободка. Зачем-то еще посмотрел сквозь напиток на свет богатой хрустальной люстры, покачал в пальцах... Жидкость выглядела аппетитно-маслянистой. Вообще, все вокруг было не как в реальной жизни, а будто в красивой рекламе, еще больше усиливая ощущение нереальности происходящего.

- Пей, - устало выдохнул он, вручая мне емкость: - И ложись спать. Номер оплачен. Давай до дна, а то не возьмет. Стресс сжирает градус, а ты в нем с головой, похоже... хоть выпишься. Давай сюда, - почти силой забрал он из моей руки пустой фужер, в который я вцепилась, как в спасательный круг.

- В душ пойдешь?

- Сама, - с облегчением проблеяла я, чувствуя разливающийся по пустому желудку приятный жгучий жар. И цель... у меня появилась сиюминутная обыденная цель – просто душ. Всего лишь.

- Ну... страховать тогда не буду, не упади там, - хмыкнул

он.

Ага.. Мне тоже становилось весело, хотя и немного обидно, потому что это что – все? В смысле – весь разговор, который он мне обещал? Закрываясь в ванной комнате, я услышала, как легко стукнула дверь номера... ушел. И меня совсем отпустило – рассосался напряженный ком в груди, ушла дрожь. Вот только память... она продолжала подбрасывать факты... выборочно, особо важными урывками. И не только факты. Подстегнутое алкоголем воображение работало живо и ярко – четкими жизненными картинками со схематично двигающимися марионетками обоих полов.

- Идиотка! Господи, какая же я идиотка! Терпела! Но теперь все будет... будет правильно, – бубнила я, с некоторым трудом фокусируя взгляд на отдельных предметах. Гель для душа в пакетике... хрен – разорвешь, разве что зубами. Шампунь так же... дело принципа и я до него добралась, хотя надобности мыть голову не было. Но пахло как – малинкой! Улыбалась, подставляя лицо под теплый дождик и вытираясь потом большим мягким полотенцем. Не высушив толком волосы и даже не выключив свет в номере, прошла в красиво плывущую углами спальню и на карачках влезла в разобранную уже постель под легкое одеяло. Лодка качалась... Засыпалось мирно, мысли были о том, что есть же мужчины – понимающие и деликатные. И нос у него не длинный, а классический – ровный, как по линейке рисован. Непривычно, конечно... длинноватый все же...

Среди ночи стало жарко, по телу медленно перемещались полчища томно-ленивых мурашек. Их умело разгоняли твердые и уверенные мужские ладони – кажется, успевая везде. Я просыпалась частями – сперва тело, а мозг уже потом. Зачаровано замерла вначале, ощутив разливающееся внутри подзабытое за полтора месяца чувственное тепло, потянулась за ним... Сильные руки стали настойчивее, к ним подключились губы – не жадно, а так... со знанием дела и вкусом, что ли? Шея, плечи...

Прояснялось, всплывало что-то в сознании, и я лениво взбрыкнула. Чисто по инерции, наверное – до выяснения обстоятельств.

- Сама приползла, -дохнули мне в рот мятой, - я засыпал уже. Тихо, тихо... охм! Так ты кусаться? Ну, держись тогда! – мягко дернул он меня на себя, плотно прижимая к телу и на этом, собственно, телячьи нежности закончились.

- Ха, сама я? - пробивало меня на смех, - сука-судьба раб... работает.

- Сильно тебя... - жестко накрыл он мой рот, вбирая губы своими губами, а я смеялась, они расползались...

- Умеешь... – выдохнула потом... гораздо позже, посчитав нужным отметить это.

- Да, Ксюша, умею, - подтвердил он.

И правда умел... брал так, будто смаковал изысканное лакомство – дразня и растягивая свое удовольствие почти до бесконечности. Почему-то осталось впечатление - имен-

но свое. Но, не особо и церемонясь со мной, не спрашивая о предпочтениях и желаниях, все он делал так, как нужно - со вкусом, основательно, почти спокойно, срываясь лишь к самому финалу. Вместе со мной.

И я тоже позволила себе... А его небрежная нежность, наглая спокойная уверенность и то, что похоже, ни от одного заинтересовавшего его существа женского полу отказа этот длинноносый не знал... сейчас все эти нюансы не имели значения.

Уже когда ночь неспешно перетекла в предрассветные сумерки, он устало прошептал, укладывая меня и тяжело прижимая рукой к постели:

- Отчаянная какая... спи уже, дурашка.

И я послушно уснула... дурашка. Выпитая до доньшка и наполненная до краев довольной сытой усталостью.

Утром проснулась в постели одна. Подташнивало, познабливало и было все равно. Все равно на все. Может потому, что получила то, что хотела – хреновый конец всему или бесконечную хрень для себя впереди? Не важно, внутри меня жила пустота и еще усталость.

Не возмутили даже две зеленоватые купюры на прикроватной тумбочке. Когда нашла в себе силы встать, обнаружила под ними небрежно написанную записку – «На такси и услуги слесаря - на случай, если свои ключи не найдешь».

Сходила в туалет и душ. Все на автомате - безо всяких переживаний и страхов. Понятно было, что состояние это по-

ганое, потому что ненормальное. Полежала еще с закрытыми глазами, приходя в себя, подумала и робко предположила, что в коньяк могло быть что-то добавлено... подмешано, хотя бутылочная пробка в руках мужчины сдвинулась тогда с девственным хрустом.

Но слишком странной была я этой ночью, слишком отчаянной и уверенной в себе и ни капли же сомнения в том, что все происходящее правильно! И ощущения тоже... они были непривычно яркими. Я отпустила себя и просто чувствовала – без мыслей, не рассуждая и не анализируя. И сейчас все было не так, как должно бы – ни стыда, ни сожаления. И даже без обид на то, что унес он свой длинный нос по-английски. Совсем наоборот – я была благодарна за это. Останься он и сразу – неловкость, а еще и необходимость говорить что-то. Кому это нужно?

И даже если мои подозрения верны и какой-то легкий наркотик или неизвестный препарат все же был использован, этим он просто помог мне решиться... Лучше бы там был наркотик, ей-богу! Это стало бы хоть каким-то оправданием лично для себя.

Да вот только это в самом начале я толком не проснулась, поплыла под умелыми руками. Алкоголь действовал? Но дальше все было по обоюдному согласию.

Ничего... не смертельно. Вот только "в грязи" теперь не только Вадим. Зато и говорить мы будем на равных. И не важно, как я чувствую себя сейчас, уже после... валяться в

этой грязи было на удивление приятно. Ну, так и он с этой Леной явно... без отвращения, а со всем своим удовольствием.

Плюсом во всей этой ситуации было только то, что я думала о ней, как о свершившемся факте и больше не боялась встречи с мужем. Чувство такое – выдохнула и еще – назад дороги нет. Будто только сейчас осознала, насколько тяжело дались мне полтора месяца этого проклятого, запираемого в себе знания. А финальный аккорд... ну, уж как получилось. Соломку не стелила, вот и упала куда пришлось.

Царапало и не давало покоя еще какое-то несоответствие... Кроме того, что говорил он со мной так... слишком легко и раскованно, будто век знакомы... Но это могла быть такая манера общения, привычная для него. Но еще мне показалось... Нет – точно! Он называл меня по имени. Я представилась? Мы не познакомились, его имени я не знала. Не всплывало, во всяком случае, ничего такого – даже намек на незнакомое мужское имя. А вот потом, когда помутилось... ни в чем уверена я уже не была. Могла и сказать как-то. Сейчас я даже не помнила, когда он сказал это «Ксюша», в какой момент?

Честно пыталась вспомнить, терла виски, мучаясь головной болью, еще пару раз ходила умыться холодной водой, долго валялась в развороченной постели, кутаясь в одеяло – все еще знобило. Нервы? Думала... Это тоже было ненормально – должна бы ужаснуться тому, что натворила, бежать

со всех ног отсюда...

А я лежала в незнакомом месте, в чужой постели, до сих пор пахнувшей парфюмом абсолютно чужого мне мужика и как-то глухо, тускло и почти спокойно думала – а что дальше? А дальше все ожидаемо - разрыв по шаблону, как у многих и многих до нас - развод, раздел... конец. Сволочь Вадя... а Ксюша – просто дура. Нужно было не то и не так...

Глава 3

Ближе к обеду спокойно оделась, вышла...

Пока добиралась домой, опять размышляла о том, что случилось – но уже трезво и спокойно.

Что сделала глупость – это понятно, «уронила себя», «потеряла лицо», испачкалась... я это чувствовала так. Будто испортила что-то в себе безвозвратно, но, на удивление – не смертельно. И страдать, рефлексировать по этому поводу нельзя – не время. Тут другое... поставила ли я этим последнюю точку? Оставался ли до этого шанс сохранить нас с Вадимом? Но все дело в том, что не было у меня такой цели. Наоборот – я отчаянно рубила концы, потому что родным, теплым, близким отношениям однозначно пришел конец – нет больше доверия! Все остальное... всю кучу больных эмоций, что кипели сейчас внутри, я как-нибудь переживу.

Кто-то из великих писал, что отношения между двумя похожи на лист бумаги. Мы пишем на нем, зачеркиваем, рисуем. А утраченное доверие – это, как полностью смятый лист. Расправить его можно, но следы останутся обязательно.

Я ждала бы очередного его похода налево и обязательно дождалась бы. Сама подтолкнула бы, вынося ему и себе мозг подозрительностью, ревностью, непроходящей обидой, которая никуда не делась бы – с памятью у меня все в порядке. А сама смогла бы повторить? Скорее – нет, чем да... тут дру-

гое.

Считается, что женская измена намного страшнее, потому что в ней предадут не только телом – это обязательно влюбленность и душевные отношения. Но мой случай говорит за то, что нет в жизни правил, зато имеют место дурные порывы и просто дурь... думать о прошлой ночи не хотелось, хотелось ее забыть. Сейчас главным было – сохранить тот решительный настрой, слишком дорого я за него заплатила – ощущение внутренней испачканности не проходило. Ну, со своими тараканами я как-нибудь справлюсь. Как быть с остальным?

Вадим – юрист и работает в частной адвокатской конторе. И вот именно сейчас ничего хорошего для меня в этом не было. Я не представляла себе, как он относится ко мне сейчас и как поведет себя, когда дело дойдет до развода, но знала – при желании он просто согнет меня в бараний рог. Именно поэтому сейчас нельзя было теряться в сожалениях и метаниях. Только деловой подход, только так! Вадим станет действовать. Я тоже должна... это и поможет забыться и забыть. К чертям все это!

Пришло в голову – хорошо, что эти мои мысленные обороты (я уж не говорю про наш разговор с Вадимом) не слышала свекровь. Там интеллигентная семья, а я «не пойми кто – хабалка, похоже?» и «бухгалтер что – после техникума?», да еще и «на ловлю» приехала из глубинки. Угрозидило же меня тогда! Прорывалось вначале это поселковое «здрасьте»

и тому подобное, особенно когда я привыкла к людям и уже считала их достаточно близкими.

Этот разговор я услышала случайно. Вадим тогда прервал мать... вежливо осадил, сказав, что не стоит программировать его на развод, потому что он сделал свой выбор и их дело – принимать его или нет. Нет – значит он станет навещать их сам, но потом же пойдут внуки...?

Я улыбалась потом свекрови... лицемерила? Может быть. Легко испортить отношения раз и навсегда... Но Вадим встал на мою сторону, а ее слова выеденного яйца не стоили, чтобы еще и его расстраивать своими обидами. Да и виделась я с его родителями не так часто и ничего подобного больше не слышала – в лицо она не предъявляла. И Янку потом полюбила – у дочки глаза и характер Вадима... сильный доминантный ген, раз мои карие подменил своими зелеными. Но этот холодок, которым тянуло от его матери на меня... он ощущался всегда.

Наверное, все-таки те ее слова задели меня сильнее, чем тогда показалось. Никогда больше я не чувствовала себя у свекров «дома» и постоянно контролировала при них свою речь и поступки. И даже для себя... «соответствовать» старалась, как только могла. Много чего... например, уметь на должном уровне поддерживать разговор в компании, в которую ввел меня Вадим. Само собой, если только речь шла не об их работе – человеком начитанным считать себя я могла, но в юридических тонкостях не разбиралась – это понят-

но. Вначале тянулась, старалась и у меня получилось, потому что мои отношения и с Бобровыми, и со Щербаковыми уже долгое время оставались добрыми и раньше мне казалось - даже теплыми.

В семье? Наверное, как и все молодые жены - готовила, держала квартиру в чистоте, слушала и слышала мужа. Что-то не получалось, а чем-то я даже гордилась... Вадим благодарил и не упрекал нечаянными ляпами. Мне даже казалось, что в нас повторяется история самой любящей семейной пары на свете - моих родителей. Все было так похоже - внимательное и бережное отношение друг к другу, ласковые прозвища... Потом родилась Янка. Все пять лет я была уверена, что любима.

Почему все пошло наперекосяк? Все-таки права была све-кровь, а я все делала не то и не так? Но, «не так» сделать очень трудно, когда у тебя куча времени - я все еще сидела в отпуске до трех лет. Брала, правда, разовую, но хорошо оплачиваемую работу на дом - себе «на шпильки». Просто чтобы не потерять квалификацию и чтобы не забыли на работе. И в этот раз помогала готовиться к инициативному аудиту. И не важно, сколько лет ты проучился - необходимые навыки все равно приобретаешь на рабочем месте. Меня, кажется, ценили, во всяком случае - не забывали. Позвонили, попросили... начальство ждет результатов. Отказать не смогла, поэтому и на море опоздала. Но работала я именно потому, что могла себе это позволить - время было. Не раз слышала

на детской площадке, как мамочки жаловались на гиперактивность нынешних детей, а я только согласно кивала – не хвастаться же дочкой?

Яна не гиперактивна, она нормальный, живой ребенок. А еще она очень... продуманная. Именно поэтому за ней нужен основательный присмотр – спокойно и деловито она творит то, чего ей хочется, что считает нужным делать. И в ее действиях есть своя малышовая логика. Я научилась понимать ее, потому что постоянно рядом, а Вадим – пока нет. Именно поэтому я боялась за них, именно поэтому перед отъездом завалила его инструктажами.

Войдя в квартиру, первым делом жадно выхлебала пару стаканов минералки, потом позвонила и отменила электронный билет. После этого яростно старалась найти себе занятие, чтобы отвлечься, забыться... Мне нельзя туда. Хотя как-то повоевать за свои интересы я смогу только здесь, на своей пока еще территории. Там я никого и ничего не знаю. И да – я опасюсь этого Вадима, я не знаю на что он способен сейчас. А он если и не напуган - в это трудно поверить, то точно дезориентирован моими воплями. И повышенное внимание Яське обеспечено. Значит, она в безопасности.

Душа просила каплю бальзама, ей требовалось полечиться, и я набрала маме:

- Мам...

- Ксюшка! Приве-ет. Я сама тебе смартфон вышлю, честное слово. Это же так просто – щелк! И сто фоток Яськи-

ных... или видео.

- Ладно, куплю я смартфон, - ухватила я за возможность оттянуть серьезный разговор, - кажется «Хонор» хвалят... Китай. Вадим против смартфонов, никто из его друзей не пользуется. Все серьезные люди имеют при себе только безопасные кнопочники. Исключительно для связи.

- А ты у нас серьезная, - весело хмыкнула мама, а у меня сердце трепыхнулось и потянулось так... потянулось-потянулось к ней. Защекотало в носу, запершило в горле...

- Мам, я вечером звякну, ладно? И Яську сброшу с фотика на твою почту. У меня опять целая пачка - мы катались в парке на великах. Придется чистить?

- Не вздумай! Удаляй только дубли. Ладно, вечером поговорим со вкусом, чтобы не мешал никто. Целую?

- Целую...

Полегчало... я даже задвигалась веселее. Разобрала чешмодан. Посмотрела телефон – много пропущенных звонков, непрочитанных сообщений – тоже. Длинные не читала, мельком просмотрела короткие – о Янке ничего такого... значит, она в порядке.

Вникать в остальное не стала – там просто слова. И сорвалась на этой мысли - так горестно... горько опять стало! Зачем врать? Чтобы сохранить лицо при плохой игре? Держал бы свою шлюху подальше от телефона... ночью... в своем номере.

Всплакнув, задумалась и нашла в интернете адрес вендис-

пансера. Повезло записаться на прием через сорок минут, почти в конце их рабочего дня - в случайно образовавшемся окне. Решила сдать анализ на инфекции, мало ли? Насколько я помнила, защита была, но ведь явно существует еще что-то, что передается не только через контакт «там». А у меня ребенок. Раньше бы подумать об этом – головой. Дура...

Выйдя от врача, доехала до ЗАГСа и узнала все о разводе - заявление, документы, сроки... Смертельно хотелось назад, туда, где все у нас с Вадимом хорошо.

По дороге заскочила на работу поинтересоваться - как там и что? Нанятый аудитор с сегодняшнего дня уже работал, моя помощь больше не была нужна. На завтра оплата должна была капнуть на зарплатную карту. Рабочий день заканчивался и, немного подождав, я вышла вместе со всеми, а до дома решила дойти пешком. Ноги сами понесли через парк – по почти пустым дорожкам, мимо зацветающих лип... Пожалела, что в юбке, а не штанах – велопрокат работал до семи и я могла бы еще часок погонять. Без Яськи можно бы быстро... И привычный белый велик с детским сиденьем возле руля стоял в ряду других, незаслуженно неостребованных этим вечером. Жаль... не погода, а песня.

Совсем вечером перезвонила маме.

- Ну, снова привет, Ксюшка... а почему замолчала? Случилось что? Ксюша?!

- Пока нет... нет. Все решаемо. Мам, рано еще говорить,

наверное...

- Просто скажи - что у тебя не так?

Говорить не хотелось. Даже маме... особенно маме. Сразу вспомнились ее слова, еще те – после того, как она первый раз увидела нас вместе. «Красивый муж – чужой муж... слышала такое? Уверена, что удержишь?» Ее слова тогда показались мне дико обидными – тоже будто не урод. Не ах... но точно не урод и потом – любят не за внешность. Красивых девушек полно, но Вадим со мной, а не с ними, так что...

- Вадим загулял, мам, а я изменила в ответ... с первым встречным, - еле выдавила я из себя.

- Лихо... - тихо и потерянно отозвалась мама.

- Не знаю – как...

- Ты только не вздумай душевно самоубиваться! И... как там - заискрило? Господи! О чем я?

- Да. О чем ты, мам? - удивилась я, - я имени его не знаю.

- Ладно... ну и ладно - выплеснула и выплеснула. Не казни только себя, не самоедствуй. Что еще?

- Узнала про развод. Ситуация так себе... Вадим любит Янку, а он юрист... боюсь, что... в общем, мне нужно свое жилье. Дальнегорская квартира есть, конечно, но возвращаться туда... Это в крайнем случае. И я ухватилась за одну мысль... скажи, это нормально попросить у вас в долг на первый взнос? У вас есть вообще такая возможность? И как там смотрят на это? Я про недорогую квартиру... и деньги постепенно отдам. А может ничего и не нужно будет, просто

хочу знать, на что могу рассчитывать.

- Спросила-таки, поинтересовалась, - вздохнула мама, - поговорить бы нам с тобой, Ксюш. Сесть и по-женски... А я же переживала последнее время. Та-ак... Не представляю себе... прибила ты меня... буквально, - чуть дрогнул ее голос, - ладно, держись за Янку, прорвемся. Дай подумать... посоветуюсь с мужем. Все решим, не переживай.

- И ты не переживай, - улыбалась я, будто она могла видеть это, - тысячи народа разводятся и ничего – живы. И я живу... нормально. Дам потом объявление: "говорю мало, готовлю вкусно, голова не болит". Нормально, мам - хожу, говорю... Просто не всем везет. Тебе повезло с папой... очень.

- И с Джаухаром тоже, Ксюша, - спокойно ответила она, - я помню твой шок... нам давно нужно поговорить, но не по телефону же? Я думаю – скоро увидимся, так?

- Это хорошо бы...

Глава 4

Через несколько минут перезвонил Джаухар. У престарелого маминого мужа было красивое имя, я как-то интересовалась его значением. У них там все имена с понятием, у каждого есть свое толкование и обычно оно ясное и четкое, но иногда и вот такое – хоть используй, как пособие по изучению философии. Слово... имя Джаухар означает сущность, существо, или драгоценность, драгоценные камни, материальный мир – получалось как-то слишком глобально и трудно осознаваемо, особенно если пытаться как-то объединить эти понятия и приложить их к человеку. Наверное, нужно знать арабский, как родной, а еще владеть их менталитетом.

Несколько раз мы разговаривали по скайпу – глаза в глаза и это была его инициатива. Считалось, что я вместе с мамой вошла в его семью, стала его новой «бинти» - дочерью, а значит, ему нужно было познакомиться и узнать меня - насколько это возможно на расстоянии. В тот первый раз мама попросила меня набраться терпения, и я со скрипом согласилась. Но, на удивление, разговор с отчимом напрягал только вначале. Вести с ним беседы (никак иначе наше общение назвать нельзя) было по-настоящему интересно, и я даже стала немного понимать маму. Хотя и не во всем – возраст ее нового мужа, мягко говоря, удивил. Ну и вся эта национальная экзотика тоже слегка шокировала.

Ответив на звонок, я услышала уже знакомый мужской голос:

- Мархаба, Кариба, девочка наша...

«Кариба» было из той же обоймы и означало - родственная душа, родная. Узнав меня немного ближе по ходу общения, мамин муж подарил мне еще одно имя. Еще при советской власти он учился в Союзе по специальности инженер-нефтяник, поэтому неплохо говорил по-русски. Правда немного с акцентом, но я бы даже назвала его приятным. Тембр его голоса был чуточку гортанным. Случилось как-то настроение после нашего с ним разговора и пришло на ум сравнение – волны в скалах. Мягко, но с силой, а еще – рокот... Красивый голос.

Сейчас, выслушав мой не такой полный, как для мамы, но уже более-менее связный рассказ, он мягко сказал:

- У вас говорят, что у страха большие глаза, но обида еще больше портит внутреннее зрение. Ты понимаешь меня?

- Да, уважаемый кариб - обида застит глаза сильнее, чем страх.

- Да. Страх быстр, а обида дольше проникает в душу, готовит ее к страшному...

- Травит...

- У вас щедрый и точный язык, - уважительно отметил он, - тебе нужно выслушать своего мужа, бинти. И только потом решать судьбу семьи.

Мама тоже не сказала ему о моем поступке – с облегчени-

ем поняла я. А он продолжал:

- Но, если даже она пропадет... развалится, то ничего не бойся. Плохого с тобой больше не случится, потому что у тебя есть два сердца. Если вдруг на секунду замрет одно, то рядом забьется второе. Одно из них дала тебе мать, она смогла это сделать потому, что много лет назад сумела полюбить...

Я невесело хмыкнула – сейчас мне не нужны были перлы мудрости в оправе из восточной экзотики. Тут и сейчас у меня сплошная проза, как это ни печально. И может быть, я даже уроню себя в его глазах, когда всплывут подробности. Или, как недостойная дочь, подставлю маму? Не хотелось бы терять его доброе отношение. Зря я звонила им... пусть бы жили себе там спокойно. И Дальнегорск – не самое плохое место. Но ради Яськи стоило попытаться.

- Ты не смейся, - улыбался мужчина где-то там – на другом конце мира, - полюбить очень трудно, я-то знаю. А второе сердце знаешь откуда? Его дала тебе дочь. Носи их в груди и ничего не бойся. Какая помощь тебе нужна? Говори смело, бинти...

- Смело, – внутренне сжалась я, - это точно не мое. Я до смерти боюсь перемен, особенно если они к худшему. И неожиданных известий, и потрясений – после гибели папы. И мама тогда почти умерла... Все рухнуло, обрушилось, а мне – двенадцать! Это не психотравма и не на уровне подсознания. Просто теперь я смертельно боюсь терять – помню, как было, - выдохнула я. Закончить бы на этом – надо оно

ему? Но так хотелось, чтобы меня поняли.

- И чтобы просто решиться увидеть то, что происходит в моей семье... и Вадима, мне понадобилось полтора месяца. Я не хотела знать! Потому что та и эта потери для меня равнозначны. Но вы правы – есть Яна. Другая женщина у него – это конец любви ко мне, но Янка его копия, его любимая дочка! А я видела Вадима на заседании суда - он профессионал, вся их контора держится на нем и двух его друзьях. Это... зубры, они даже право когда-то выбрали разное, чтобы не конкурировать друг с другом. Против меня встанут все трое. Яну отберут! – почти задохнулась я словами, - если бы вы знали... Даже просто сказать по телефону, что знаю обо всем, наорать тогда я смогла, только будучи не в себе... буквально. Это был стресс – да! И только так я могу! Я не смея, я б... бли-ин! Я и говорю всегда не смело, а осторожно, я стараюсь изо всех сил! Потому что смертельно боюсь терять, уваж...!

- Говори мне просто «джабб», пускай буду дедушка, - посоветовал мужчина, мягко обрывая мою почти уже истерику.

- А это будет правильно? – передохнув, осторожно уточнила я.

- На «ата» или «ба-ба» я настаивать не могу. Отец, он всегда один, как и мать. Говори дальше, девочка, я слушаю тебя.

- Я хотела просить у вас денег в долг... джабб, - вздохнула я, - кое-что у меня есть – мама сдала квартиру в Дальнегорске и деньги этот год капали... поступали на отдельный

счет. Десятка... десять тысяч рублей в месяц. И еще то, что я откладывала на подарок мужу. Сто пятьдесят тысяч у меня есть. Может, уехать в Дальнегорск было бы и умнее, но Вадим – хороший отец и совсем лишать Яну отца будет неправильно. И еще – мое решение увезти от него Янку спровоцирует... сделает из него зверя. Он будет биться за нее, как зверь, я знаю... - запнулась я и тут плотину моей выдержки прорвало, и я заплакала. Беззвучно... так, чтобы не слышно было ему там.

Сейчас мне было плохо, почти безысходно по ощущению. Так бывает... в какой-то момент подтолкнет что-то – слово или проскользнувшая в разговоре мысль – чужая или твоя, и ты вдруг понимаешь, что жизнь не удалась. А для меня смысл ее во многом был в Вадиме и нашей с ним семье. Дальше может быть что угодно, но на данный момент я потеряла слишком много, если не все. Не как человек или мать... я потерпела полное и сокрушительное фиаско, как женщина. И это в лучшие свои годы! Это просто тотальный разгром! И оказалось - мне по фигу, что у кого-то на меня еще стоит... это ни хрена не помогло – та ночь!

Но только этому несокрушиму в своей правоте Джухару я ничего больше не расскажу, да и не понять ему. Зато сейчас я понимала свою маму. Внешность, социальные и культурные различия, да даже возраст! Ерунда все это – преодолимо так или иначе, даже если препятствия серьезны. Но когда чувствуешь себя за мужем, как за каменной стеной, да-

же если это и не любовь с обеих сторон, а просто внимание и забота, доверие, а еще есть гарантии будущего, то это реально круто. У меня таких гарантий уже не было.

- Девочка, а ты не хочешь погостить небольшое время у нас? – напомнил он мне о себе.

- Думала о таком, - прогундосила я, подтверждая, что была такая малодушная мыслишка – бежать от выяснения отношений с мужем куда глаза глядят: - Но Вадим может не дать согласие на выезд дочки за рубеж. Даже скорее всего не даст.

Мужчина помолчал... я ждала.

- Выбери себе жилье, и я переведу тебе нужную сумму. Бинти... а мама не высылала тебе снимки нашего с ней дома?

- У вас совсем не тесно и мы с Яной никак не стесним вас? Я понимаю. Но боюсь, что приехать все-таки не получится. Я узнаю стоимость и тогда позвоню, чтобы вы могли оценить объем вложений. Это будет заем.

Он усмехнулся там... прокашлялся. Попрощался, посоветовав хорошенько выспаться. Потом опять звонила мама и просто развлекала меня разговором. Мы в подробностях вспоминали нашу простенькую квартиру на севере, и как жили там вдвоем... о папе не говорили. Да, я вернусь туда, если придется, но это будет шаг назад. И для Янки тоже.

Попрощавшись, я думала о том, что мама обязательно сказала бы, если бы ее новый муж был богатым человеком. Обеспеченным – да, но богатым вряд ли – он не саудит, я

знала это, проскользнуло как-то в разговоре. Родом он был откуда-то из Северной Африки, корни вообще бедуинские, а значит, родственных связей в Саудовской Аравии – ноль. А там правят и делят богатства местные семейные кланы.

Но даже если... зачем-то же он спросил о фотографиях их дома? Это прозрачный такой намек на то, что сомневаться в его платежеспособности некорректно? Наверное... И все равно – просить деньги в подарок даже у довольно обеспеченного человека это даже не то, чтобы стыдно... просто я никогда не стала бы, не смогла. В долг – другое дело, хотя тоже... сейчас я чувствовала себя не лучшим образом и понимала, как все могло выглядеть в его глазах. Но речь шла об очень скромной сумме - дворец в центре города покупать я не собиралась.

«Хорошо выспаться» - замечательный совет. Но я знала, что ночью все будет плохо и даже очень плохо. А значит, нужно сходить и купить сильное снотворное. Взглянула в телефон - звонки от Вадима прекратились.

И, замирая одновременно от страха и непонятной надежды, я нечаянно потянулась читать эсэмески - те, которые длинные. Рука с телефоном вдруг ослабела, я подключила вторую и поднесла его ближе к глазам - «резко заболел... пять дней в инфекционке... со всех дыр... няня молоденькая... нашла общий язык с Яной... не хотел пугать тебя, беспокоить». Легкие перекрыло, и я буквально задохнулась от тяжелого, парализующего ужаса. В мозгу шарил прожектор,

выискивая спасение и вспомнилось... ярко так, четко - «скупаю, Лена... и я тоже... до завтра» и все - тиски разжались. Отпустило, оставив в холодном поту. Отдышалась, посидела еще. А чего, собственно, я ожидала – чистосердечного признания в измене?

Однозначно - в аптеку. На слабых ногах, с остатком тошнотного ощущения в желудке после схлынувшего ужаса - за снотворным. Благо, круглосуточная рядом.

Глава 5

Ночью все равно несколько раз просыпалась и тупо пялилась в потолок. Тревожность зашкаливала или это муки нечистой совести? Медикаментозно как будто значит – надежно и химия должна капать целенаправленно и именно туда, куда заказывали? Не сработало. Вспоминалось опять, гнало сон, и я читала стихи, считала слонов, опять засыпала... Проснувшись утром с ощущением разбитости и мутой в голове, зареклась принимать снотворное – КПД на выходе нулевой. Вся почти ночь в мыслях.

Зато сколько всего передумано... Я всегда считала, что любовь не заканчивается и не проходит, просто меняются ощущения от общения между любящими людьми – в лучшую сторону, само собой. А если в худшую, то это и не любовь была, а что-то другое – варианты есть. Если же чувство настоящее, то физическое влечение и узнавание друг друга восходят к большему – люди становятся близки не только физически, но и духовно.

Это здорово, на самом деле, когда в отношениях проявляются новые оттенки, даже если они немного бледнее прежних. И для разных людей они разные, потому что и понятие ценностей у них может отличаться. Страстная любовь трансформируется в более серьезное, стабильное и зрелое чувство – с большой буквы. И там, кроме постели, уже столько всего

намешано!

Я считала, что у нас с Вадимом та самая Любовь. И ценности наши в процессе узнавания тоже будто бы совпали. Пускай я и жертвовала в самом начале какой-то частью внутренней свободы и испытывала «недокомфорт» при общении с ближним кругом мужа, но это нечаянно спровоцировало то, что я назвала бы работой над собой. С нами случилось лучшее, что может случиться с людьми, а это стоило некоторых усилий и даже жертв. Казалось, это понимаем мы оба. Как и то, что рисковать такими отношениями ради проходной интрижки мягко говоря - глупо. Но Вадим человек очень логичный, а значит это не просто интрижка.

Кошмарная ночь... пускай бы она осталась единственной такой – со сном урывками, в слезах, соплях, тихой истерике до икоты. И сонмы стихов, и стада слонов...

Марине я позвонила сама, даже не понимая толком, зачем это делаю. Наверное, хотелось понять после этой дурной ночи – а как им там, когда меня тут так ломает? Знали же, не могли не знать! Казалось, все пойму просто по ее голосу - может он хотя бы дрогнет по причине нечистой совести?

- На ловца и зверь? – не услышала я в ее голосе ничего такого, - ну раз так, то это судьба... Предлагаю девичник в пафосном месте. Не жисья – разговор не для забегаловки.

И я как-то сразу поняла, о чем пойдет речь.

Встретились мы в «Симфонии» - ресторане в том самом гостиничном комплексе «Музыка», где находилась и гости-

ница "Сюита". Скорее всего, именно сюда повел бы меня длинноносый, согласись я на ресторан. Особого трепета от посещения знакового места я не почувствовала – напряженно ждала обещанный разговор. Мы обе заказали еду на свой вкус и бутылочку коньяка.

- Ну не шампанское же? – удивилась Марина моему протесту, - тема не та. Пойдет, как анестетик.

И я молча кивнула, соглашаясь. И пока готовили наш заказ, я – под сыр, а она под лимончик ... как-то незаметно на-кидались.

Так форсировать, наверное, было мерой вынужденной, потому что до тех пор, пока мозг слегка не поплыл, говорить «по существу вопроса» не получалось. Моя Янка, погода, работа... а дальше не клеилось. Марина, похоже, все не решалась, а я боялась спрашивать, но потом язык у нее развязался:

- Чувствую себя стервой. Скажешь потом, что так не думаешь, ладно? – выдала наконец она.

- А с чего вдруг? – поинтересовалась я.

- Я ушла от Слава, - криво расползлась на ее лице улыбка. Незаметно выдохнув, я растерянно промолчала, а она продолжала:

- Оказаться однажды в твоей шкуре – то еще удовольствие. А я боюсь, что это просто вопрос времени. Да что там - знаю!

- Откуда? – осторожно уточнила я.

- Он оправдывает Вадима. Подошел к ним и улыбался, и кто его знает... - задумалась она, - может и ручку ей целовал, если бы не я рядом.

- Уточни, пожалуйста - не совсем улавливаю, - попросила я, внутренне холодея – вот и оно... Недосказанности и нюансы в моем состоянии угадывались слабо, чувствовалась нужда в конкретике с четко расставленными знаками положительных и отрицательных величин. Марина тяжело вздохнула:

- Когда мы купили «Фордика», решили обмыть его вдвоем. Ну и... выбрали «Реал».

- Где это? – уточнила я, навскидку определяя дату – дней десять? Как раз перед отъездом Вадима с Яной на море.

- А не... какая разница? Следующий раз сходим – нормальное место, - усмехнулась она, снова немного отпив из фужера. Я нечаянно поморщилась, глядя на это – если приходилось, сама всегда выпивала залпом, смаковать крепкое спиртное никогда не получалось. А она повторила: - Я ушла от Слава. Из-за тебя.

- Да ладно? Ты фильтруй... юрист все-таки, - посоветовала я.

- Ну да, слегка утрирую, - она немного беспомощно взглянула на меня... отвела взгляд и, видно, решила: - Там был Вадим с женщиной. И, б...ь!

Я оглянулась вокруг в поисках детей и, не обнаружив их в опасной близости, опять уставилась на нее.

- ... породистая сука! Рот, как у Лидии Вертинской, если помнишь такую – капризный. Слав говорит – посиди... подошел к ним, подсел, улыбался ей, – криво улыбнулась она, помолчала...

- А значит, ничего такого в этом не видел – что Вадим интимно трапезничает с посторонней бабой! А я, Ксюш, обтека-ала... Сидела одна за столиком и - с головы до ног. Там... она - иной уровень и это унижает, знаешь? Не то, что баба зачетная, а то, что твой собственный мужик глазами ее жрет... вроде как подтверждая это. А ты даже права возмутиться не имеешь, потому что ничего же такого... и совершенно ясно – это только пока. И она тоже это видела – обтекаю. А дальше... я просто не смогла - ушла.

- Заметно было, что у них с Вадимом что-то есть? – уточняла я то, что болело мне.

- А что тут непонятного? Гарсон! – махнула она официанту, - покормят нас, в конце концов?! - и тихо добавила для меня: - Забыла уже, когда и ела... мама ругается.

Я присмотрелась к ней внимательнее – сегодня утром сама видела все это в зеркале: заострившиеся скулы, скорбно или нервно поджатые губы, тени под глазами, тусклый взгляд... Мы ровесницы – обеим по двадцать восемь. А Валентина на семь лет старше, она училась вместе с нашими мужьями и своим мужем Виктором. Звонить ей вот так – без серьезного повода, я бы никогда не стала. Общаться с Маринкой мне всегда было проще.

Встав, я обошла стол и подседа к ней – на противоположный от моего бархатный диванчик и обняла за плечи. Хотелось помочь хотя бы так – своим сочувствием. Ни о каких советах речь не шла – я насоветую... Она дернула плечом, отстраняясь и хмыкнула:

- Ты трезвее, чем я.

- Закуси хоть чем-то... сыром. Ничего страшного у вас не случилось, Мариш, успокойсья, поговорите...

- Он догнал меня, мы с ним говорили, - пояснила она, тыкая пальцем мне в грудь: - Я возмутилась, что Вадим так ведет себя, а он процедил, чтобы держала язык за зубами. Важен сам тон – понимаешь? Я ему про такую... явную подлость, а он – «если не дура, то просто промолчишь». А я не дура, я все поняла – и его взгляд на такие вещи, и то, что он знал обо всем и видел ее раньше – при мне они не знакомились. Собрала кое-что дома и ушла. И он не остановил, Ксюш. Маме позвонил со смешком – принимайте, Марочка к вам едет, пускай перебесится.

- Зря ты? – туманно предположила я. Длинные фразы не давались... всегда немногословная, даже чуточку выпив, я становилась совсем молчаливой.

На мой вопрос она улыбнулась, мотнула головой:

- Нет. Я уйду первой. Если потом он, тогда – надлом... страшный и беспощадный, Ксюша. Мне страшно уже сейчас. Нет, все правильно. А если вернусь, значит покажу, что согласна с его отношением к изменам. Не хочу на твое место,

- повторила она опять, - а буду там, если не уже... Чувство такое - не твой, а мой... сходил. Ну и твой тоже – даже не сомневайся, это всегда видно – взгляды... и когда руки тянутся. А он гладил ее пальцы, ласкал... Все свежо у них, не перегорело еще...

- Ты еще передумашь, - кивнула я своим мыслям - конечно передумает. Слав найдет нужные слова и все образуется – у них еще не безвозвратно. Не как у нас. А на сказанное прямым текстом о Вадиме я реагировала... никак. Действовала анестезия. Я просто слушала.

- Нет. Мы о детях недавно заговорили и если вернусь, он заделает по-быстрому и буду тогда, как ты – глаза зажмурю, язык в жопу и... - запнувшись, она прикрыла веки, помолчала и извинилась: - Прости ты меня, Ксюша, напилась я что-то... до нецензурности.

- Ничего... - успокоила я ее шепотом, - говорят - после пятой рюмки слово «б...ь» вообще воспринимается, как запятая.

Марина тоже тихо хмыкнула и почти мирно уже позвала: - Гарсон!

Допив коньяк, кое-как поклевав что-то и расплатившись, мы двинулись на выход. В углу возле самого выхода из зала отдыхала компания молодых, хорошо одетых парней и оттуда слышались оживленные возгласы – «ну, зашквар!», «да ладно – там мимо трабла» и неприлично громкий смех. Марина равнодушно отметила:

- Свежее мясо... А мы с тобой уже тоже мимо.

Я взглянула на нее – темные брови с красивым изломом, серые глаза, нежно очерченный подбородок, короткий прямой носик, родинка над губой...

- Ты не поняла, – опять вздохнула она, - не в этом же дело. А в том, что возраст уже не детский и опыт тоже... какой-никакой. Выбирать и решать теперь будем мы, а не за нас. А мы избалованы вниманием серьезных, умных и успешных мужчин и на вот это, - кивнула она за спину, - уже не согласимся. Я – точно.

- Ты говорила про детей? – тянула я ее мимо фонтана к стоянке такси.

- Рожу потом... для себя. Ты извини, Ксюша, но терпеть, как ты, я не смогу. Я уже поняла, что ты все знаешь - реагировала сейчас странно. Знала, конечно, не могла не почувствовать. Все понимаю – Яна стоит и не такого. Но пока на мне нет этих цепей... бежать-бежать, роняя тапки! А ты – как знаешь. Вмешаться вот так, как я – почти уголовно наказуемо и тут Славка прав. Только молча смотреть, как из тебя коллегиально дуру делают... тошно, Ксюш. Ну, ты держись... я позвоню еще. И ты звони. А вот и тачка... дальше я сама. Гарсон? – громко щелкнула она пальцами с улыбкой наблюдающему за нами таксисту, - а-а-а... нет - ямщик!

- Ты не стерва, Мариш... помнишь? - обняла я ее. Подождала пока сядет в машину и прикрыла за ней дверку. Крикнула потом, чтобы она услышала: - Ты помогла мне, спасибо!

Она отрицательно качнула головой, отвернулась и такси тронулось, а я пошла к следующему в длинной очереди. Правильно - место красивое, популярное, такси здесь всегда востребовано. Спокойно села, едва не уснув потом в машине, доехала до дома, поднялась на этаж...

Нет, я была не в норме, и сама себе напоминала работа... немного пьяного, правда. Или нет... скорее - доломанного.

Глава 6

Первый раз Вадим увидел Елену в кабинете шефа. Перешагнув через порог и замешкался, не доверяя своим глазам. Но привычка держать лицо не подвела и все его потрясение выразилось лишь в излишне сосредоточенном взгляде, который он сразу перевел на шефа:

- Артур Назарович? Прошу прощения. Я думал – вы здесь один.

- Да, Елена уже уходит. Кстати, Лена, это один из трех будущих владельцев моей (пока еще) компании – Вадим Сергеевич Демьянцев. А это моя племянница Елена.

Вадим чуть склонил голову в сторону женщины и опять вопросительно уставился на шефа.

- Все-все! – поднял тот руки, - наше время - наши же деньги. Лена, матери привет.

Уже присаживаясь в кресло перед столом начальника, Вадим почувствовал движение воздуха – женщина прошла к двери и его окутал аромат ее духов – он мог только догадываться об их стоимости. Почему-то мелькнула мысль о Ксюше - ей бы такие.

- Елена! – резко обернулся он к уже закрывающейся двери.

- Да? – замерла она в дверном проеме и пришлось приложить настоящее усилие, чтобы не впасть в ступор, жадно

вбирая глазами вот это все...

- Извините... как называются ваши духи? Хотелось бы подарить такие же жене, - подсознательно, наверное, и исключительно для себя, возвел он невидимую преграду между собой и этой женщиной.

- Похвально, - отметила она. И голос ее тоже оказался приятным - чуть резковатым, звучным и без той капризной нотки, которая присуща почти всем женщинам, которые высоко ценят себя.

Она сказала название, попрощалась теперь уже в голос и вышла. Вадим записал сложные в произношении слова в записную книжку. Выводил буквы медленно, чувствуя легкую заторможенность и задавая себе вопрос - что именно она похвалила? Его заботу о жене или то, что он не скрывает ее наличия? Он даже пропустил какие-то слова шефа.

- Простите, Артур Назарович...? Прослушал. Тут сложная белибердень – боюсь спросить у продавца не то.

- А-а... А то я уж подумал, что вы, как и все - «...а если она до сих пор не устроена...?»

- «Красивая женщина – это профессия»?

Шеф тонко улыбался, его острый и насмешливый взгляд говорил о том, что отлично он понял все эти потуги с барьерами и заборами.

- Все верно. И правильно – женат и точка, а Елена тоже замужем. Так что... уважаю вашу разумность и стойкость, Вадим Сергеевич. А теперь – к нашим баранам...

Дальше они говорили о работе.

Вадим знал этот стих Роберта Рождественского, но он был не так о внешности, как о внутренней силе, необходимой каждой красивой женщине. На это же минное поле лучше было вообще не ступать. И у него есть Ксюша. А духи на ее День рождения он подарит другие – чтобы даже не вспоминать эту Елену... Прекрасную. Получил удовольствие, полюбовавшись, сделала она его день – и достаточно.

Тогда – почти три месяца назад, он даже не представлял себе, к чему приведет эта встреча. И не сразу заподозрил, что следующие были совсем не случайны – опять возле кабинета шефа, еще где-то, потом на небольшом приеме в честь какой-то даты у одного из судейских. И он тоже был приглашен вместе с шефом, хотя пока не являлся одним из владельцев адвокатской конторы.

Еще при первой встрече ее внешность поразила его, а на приеме случился контрольный выстрел. Такой типаж привлекает внимание любого мужчины – когда женщина всем своим видом излучает уверенность в себе и внутреннюю энергию, а если приплюсовать к этому еще и такую яркую красоту... Даже улыбка ее была заразительна, как вирус – случался только намек на нее и рядом улыбались абсолютно все.

А Вадим мрачно разглядывал ее, стараясь держаться на расстоянии и остаться невидимым.

Высокие скулы и чистая, нежная линия подбородка, тон-

кий, чуть вздернутый нос, светлая, будто алебастровая кожа – такая бывает только у рыжеволосых. Она и была такой – рыжая грива затейливо уложенных волос мягкими волнами спадала на шею и одно плечо. Форма глаз, их яркий серый цвет, пушистые ресницы... Фигура, ноги... манера двигаться, как у кошки – мягкая, грациозная...

- На хрена кидать деньги во все эти конкурсы красоты? – пробормотал он, решительно отрываясь от чарующего зрелища.

- Да-асс... - неожиданно поддакнули ему с соседнего места. Вадим оглянулся и увидел невысокого поджарого мужчину своего примерно возраста. Тот представился:

- Огнев. «Первая инстанция».

- Слышал. Приятно. «Стратегия защиты». Демьянцев.

- Взаимно. К вопросу о конкурсах, - продолжил собеседник, - если бы случился конкурс стерв... Хотя вы правы – все эти парады красоты или отмыывание денег или просто шоу. Правды там нет.

- А к вопросу о стервах? – уточнил Вадим.

- Кто, как не она? Раздражение для глаз, сплошная провокация, - кивнул своим мыслям мужчина, - флейворист еще...

- Кхм... что, простите? – уточнил Вадим.

- Она флейворист – специалист по запахам. Различает нюансы ароматов, подбирает сочетаемые компоненты, определяет их пропорции – участвует в составлении купажа духов. Да-асс...

- И это, не как у людей, - пробормотал Вадим.

- Именно, - подтвердил Огнев, выхватывая с проплывающего рядом подноса толстый стакан с виски. Пригубив, довольно сощурился и договорил: - Редкая профессия. Все на высоте у дамы, кроме одного – муж невзрачный тип. Нет... в общем и целом, нормальный мужик и при деньгах, пускай и небольших, но рядом с ней не выглядит. Один нос чего стоит. И еще говорят, что он со странностями. С какими – не уточнял, но что имеются – точно. По опыту... скорее всего из разряда хобби. Серьезные отклонения так свободно не обсуждалась бы.

- Понятно, - кивнул Вадим, - а здесь его нет. Так я понимаю?

- Последние... лет пять они не выходят вместе, - задумался Огнев, - а это уже странности.

- Ну... рад был знакомству. А мне, пожалуй, пора – семья ждет, - раскланялся Вадим с новым знакомым и направился к выходу из банкетного зала. Но его остановила Елена...

Еще в ранней молодости, осознав, что когда-нибудь ему все-таки придется вступить в брак, он дал себе зарок - быть верным мужем. Скупым, ленивым, невнимательным – об этом мыслей не возникло. Уже тогда в вершину угла ставил верность. Потому и не женился долго – хотелось насладиться мужской свободой по полной, чтобы не жалеть потом об ее утрате.

Давать себе такие обещания не пришло бы в голову, ес-

ли бы не отношения отца и матери. Женившись в девятнадцать по причине скорого появления на свет сестры Вадима, до сорока пяти включительно, пока тяжелая язва желудка не приземлила его, отец кобелировал.

Наверное, при желании всегда можно найти для себя оправдание – недополучил, недобрал чего-то, без чего мужик в полной мере полноценным жеребцом себя чувствовать не может? Или дело в неудовлетворенности, заниженной самооценке? Но отец гулял. Вначале, очевидно, по какой-то из «уважительных» причин, а потом просто втянулся. Делал он это элегантно, и жена долго не подозревала о его похождениях. Занятая двумя уже детьми, престарелой матерью мужа и домом, она видела только то, что лежало на поверхности. Но как-то все вскрылось...

Вадим помнил, как его и сестру закрыли в дальней комнате, а родители выясняли отношения. Вначале слышались обличительные вопли и рыдания матери, потом разговор стал... просто разговором. Сперва на повышенных тонах, а потом почти мирным.

Он не представлял себе – как, но они договорились. Только с тех пор отец спал в гостевой комнате, а мать стала брать сторицей от того, что он мог дать ей, кроме своей любви и верности. Наряды, отдых за границей, домработница и сиделка для свекрови, автомобиль с водителем для семьи... А еще мама незаметно становилась матерью – нервная, острая на язык, нетерпимая к чужим недостаткам и чужому семей-

ному благополучию, она жила только интересами детей. И лучше бы она этого не делала – с возрастом Вадиму пришлось устанавливать границы, потому что она их просто не знала.

Изо всего этого он сделал свои выводы и жениться думал как можно позже и исключительно по любви. А еще поклялся себе не допустить, чтобы его будущая семья стала похожа на развалины, оставшиеся от семьи старших Демьянцевых.

Как-то раз Вадим просто катастрофически опаздывал на встречу, а город стоял в пробках, и он решил, что на метро доберется гораздо быстрее.

Кто хотя бы раз спускался в метро, тот знает – люди там практически не смотрят друг другу в глаза. Это психологически объяснимо и повторяет поведенческие традиции большинства японцев, вынужденно проживающих в условиях большой скученности населения. Человеку присуще охранять свою зону комфорта и когда социальная дистанция превращается в личную, а то и интимную, как в том же метро, он создает психологическую преграду между собой и окружающими. И тогда множество людей скользит мимо, не оставляя следа в памяти и не загружая ее ненужной информацией о своем облике, поведении, разговорах.

В том вагоне метро все было, как всегда – кто-то дремал сидя, ловя короткие минуты отдыха; кто-то, прикрыв глаза, вникал в то, что транслировали наушники, кто-то зависал в смартфонах, приезжие рассматривали рекламные стикеры и

плялились в темные окна...

А Ксения читала бумажную книгу, что уже почти редкость в наше время. Это первым привлекло внимание, задержало его на девушке. И он по-мужски оценил ее – чуть выше среднего роста, худенькая, темные с красивым бронзовым оттенком волосы собраны в короткую косу, ресницы прикрывают глаза, но видно, что они тоже темные – карие или черные; красивой лепки скулы, удлиненное лицо с узким подбородком, чуть крупноватые губы. Джинсы, кеды, тонкий свитерок кораллового цвета... Приятная внешность, а чтобы она стала неотразимой для него, владелице потребовалось всего лишь улыбнуться.

Очевидно, почувствовав на себе пристальный взгляд, она подняла глаза и встретила ими с Вадимовыми. И улыбнулась – чуть отстраненно, но открыто и приветливо. Потом вернулась к книге, а через минуту снова взглянула на мужчину напротив, но уже заинтересованно. Вадим привык нравиться женщинам, но внимание читающей девочки почему-то заставило его заволноваться. А потом и запереживать, когда она поднялась с сидения, готовясь выйти. Он догнал ее, проводил до эскалатора и взял номер телефона.

И закрутилось... Встречал с работы, согласовав свой график работы с ее. Дарил цветы, впервые с таким удовольствием наблюдая, как женщина радуется им. Скоро он знал о ней все или почти все, потому что это его интересовало: вкусы в еде, к цветам, одежде, музыке, книгам... С каждой встречей

она казалась ему все милее и красивее. А он был с ней самим собой и видел, что тоже нравится ей.

В Ксюше ему нравилось все и абсолютно ничего не раздражало – ни тогда, ни сейчас, когда они были женаты уже пять лет. Жить вместе и рядом с ней было приятно, легко и спокойно и она нравилась ему в постели. Уважала его мнение и легко соглашалась с ним, но не боялась вынести на их общее обсуждение свое и это тоже нравилось – что она деликатна и умна. Начитана, домовита, благодарна – идеальная жена. Даже если случались вначале казусы с подгоревшей до состояния угольков кашей или сожженными манжетами на рубашке, это тоже не раздражало, а скорее умиляло – все-таки она старалась для него. И любила его – он знал это. И он любил ее и Янку, старался быть для них таким же идеальным мужем и отцом и не собирался рушить свой приятный маленький мир.

Тогда как можно назвать то, что стало происходить с ним, когда Елена обратила на него свое пристальное внимание? До этого его интерес к ней был просто человеческим. Как восхищенное любование и только. Он не фантазировал о ней, не рисовал в своем воображении запретные картины, а это всегда бывает, когда вдруг просыпается интерес тот самый.

Но когда на него обрушился камнепад улыбок, внимания, умных разговоров, поощрительных взглядов ее и завистливых - окружающих мужчин, отказаться от этого оказалось

просто невозможно. Это знакомство обещало стать приятным, но заходить дальше он не собирался – и он и она были в браке.

Глава 7

Потом, вспоминая, как все начиналось, Вадим задавал себе один-единственный вопрос – зачем? Вернее, изъяснялся он сам с собой исключительно матом – других слов не было. Затянуло... опоздал разорвать это наваждение. Кайфовал от внимания исключительной женщины, тянул время под надуманным предлогом, что хочет узнать ее, как человека. Неплохого, к слову – она умела дружить, и для своих делала все возможное. Умна, талантлива, многосторонне развита, замечательная собеседница и, он был уверен – исключительная любовница.

Да ей и не нужно было что-то уметь – просто отдать свое тело в руки мужчины. Даже безмолвная, в роли резиновой куклы, она и тогда была бы восхитительна, потому что случай как раз тот, когда любят глазами. Но он тянул с решением. Никогда не инициировал встречи сам, а ожидал ее шага – не навстречу, а вдогонку. Чего уж, ожидал с предвкушением и чувством превосходства, даже чуточку гордясь собой – не потерял контроль, не поддался безоговорочно ее чарам, и даже не делает вид, что не понимает прозрачных намеков...

Он никак не отвечал на них, только молча смотрел ей в глаза... любясь ими, наслаждаясь их выражением – находил в них такое же любование. Чего добивался? Влюбить в себя и проучить? Не думал тогда об этом. И сам не заметил, как

запутался в этой паутине умопомрачительных запахов, нежных взглядов, душистых легких прикосновений, интимного шепота...

Это возбуждало, давало почувствовать себя в какой-то нереальной игре, гнало кровь и теребило нервы. Немного еще потянуть, еще чуть-чуть посмаковать незнакомые ощущения, а потом закрыть вопрос – жестко и окончательно. Потому что бегать от жены к любовнице он не собирался – это было бы мерзко и мелко, а еще – противно его принципам. Он специально игнорировал попытки Елены делать их встречи тайными, а значит – интимными. Назначал их в людном месте – раз или два в неделю. И на любой сторонний взгляд, не было в них ничего криминального – легкое, доброжелательное общение, приятный разговор. Ни интимных касаний, ни поцелуев... Разве что взгляды?

Случайно увидев их вместе, Слав сразу поплыл, ошеломел... Потом интересовался статусом их отношений, на что Вадим честно ответил:

- Пока не уверен. Пойму – обязательно скажу.
- Ну, обращайся... - хмыкнул тот, - если нужно прикрыть.
- Тогда оба эти выходные – после обеда. Кажется, Елена что-то говорила о выставках.

- Понял! Пока еще за ручку водишь? Понимаю... она стоит любых усилий - дурманящая женщина.

Вадим еще несколько раз пользовался предложением друга, невозмутимо врал Ксюше, искусно изворачивался, изощ-

ряясь во лжи и даже по собственным ощущениям опускаясь все ниже. Но пока не мог отказать себе в удовольствии видеть Елену. И случилось то, чего и опасался – втянулся в эти недоотношения. Хватило двух месяцев.

И он задумался – а что, если вот это и есть настоящее? А он давит его в себе виной перед Ксюшей, мыслями о своей семье и опыте родителей. Но и все это, и даже Яська со своим горшком пока что не перетянули окончательно чашу весов на себя.

Это было, как наркотик – испытывая безумное и бесстыдное желание, удерживать тот самый чувственный голод на самой острой грани – как в рассказе Джека Лондона. Но не с желанием удержать любовь, а тупо цепляясь за остатки мужского достоинства в себе, привычные принципы и исходя из своего понимания верности: пока не переспал – не изменил. Хотя, по сути, он уже предавал Ксюшу – обманывая и обделяя вниманием. И даже обкрадывая, лишив ее близости.

Хотел... как животное, хотел, но не мог позволить ее себе – ни с одной из них. Не давал какой-то внутренний барьер: до принятия того самого решения – нельзя. Табу! Сам понимал, что все это условно, уставал, злился, раздражался! Сорвался и серьезно повздорил из-за какой-то мелочи с Виктором... Но с выбором в пользу одной из женщин тянул. А может тянул еще и потому, что было в этом его мазохизме что-то тягуче-сладкое, как перед оргазмом – чем дольше оттягиваешь разрядку, тем она яростнее, сильнее и слаще –

просто до боли.

А потом лопнуло терпение Елены, и он узнал ее настоящую...

Когда подвозил ее до дома после посещения выставки пейзажной фотографии, она не выскользнула из машины, как всегда, оставляя после себя запах духов, которыми он, кажется, пропитался насквозь... Снимал бы одежду еще на лестнице, если бы мог! Но он просто сразу же проходил в душ, как и во все остальные дни после работы...

А на работе случился дурдом - Спиваков решил ускорить продажу «Стратегии...» Настоящих причин не называл, лицемерил – «старость уже, кхе-кхе... пора на отдых... внуки деда заждались». А может, это было правдой, иначе зачем вообще продавать успешную фирму с солидной репутацией? Но это его дело – имел право. В связи с этим разгребались завалы, наводился порядок в документации и форсировалась текучка. У Вадима были пара дел в процессе, постоянное сопровождение нескольких клиентов в финансово-хозяйственной деятельности, а еще досудебное урегулирование спора. Раньше он как-то разнес бы все это по времени, но сейчас и сам рад был задержаться на работе – посмотреть в глаза жене было невыносимо. Старался даже не думать в эту сторону, потому что мысли о них с Ксюшей тащили за собой ненужные эмоции – злость, стыд, вину и даже страх.

И теперь практически каждый день он приходил поздно, долго мылся, сразу же забрасывая пропитанную духами Еле-

ны или просто пропотевшую одежду в стирку - интеллектуальный пот намного забористее, чем вызванный физическими нагрузками. Иногда даже отказывался от ужина и падал спать – вырубало на раз. Ксюшу и Янку почти не видел. Спасался так... и понимал – из него получился негодный муж... негодный отец. Выкуклилось, выползло, обозначилось... Или дело не в поганных генах? Ведь до Елены все было иначе? Не прилагая никаких усилий, не принуждая и не ломая себя, он жил, как в раю – надежном, праведном и умиротворенном... привычно спокойном.

Сколько бы еще это тянулось – неизвестно, но такое невнятное развитие событий не устраивало Елену. Она не вышла тогда из машины, а, как по струнке выпрямившись на сидении, почти спокойно спросила... почти:

- И сколько еще будут продолжаться эти игры? Было интересно и увлекательно, но мне надоело!

А потом вздохнула и сама потянулась за поцелуем, глядя ему в глаза. Медленно прикрыла свои и, пряча яркое серебро радужки, опустили ресницы-опахала – ни грамма краски, густые, пушистые. Приоткрылись капризные нежные губы... свежее дыхание коснулось его лица и... он ответил. Целовались они долго, мозг плыл, болело в паху, но совсем рассудок Вадим не потерял и ремень у себя на брюках расстегнуть не дал.

Елена вздохнула, освобождаясь из его объятий и неожиданно выдала:

- Ломаешься, как девственница! Жалко выглядит, Вадим.

И он вдруг понял, что да – все это время он выглядел жалко. Но сам видел это, как реализацию своего права на единоличное и исключительно добровольное принятие решений - и по срокам, и по сути. Сейчас же разозлился... и решил:

- Тискаться по углам не собираюсь. Хочешь – давай пожегнемся и все будет.

- И ни слова о любви? - хмыкнув, ответила она: - Хочу! Но у меня есть условие...

- Слушаю тебя, - так же по-деловому ответил Вадим.

- Я видела твою дочку... да не пугайся ты так! Застыл... После той первой встречи я узнала о тебе все – и про дочку тоже. Я видела ее, и она мне нравится!

Потом, чуть запнувшись, тихо и устало призналась:

- Я не могу иметь детей. Это не болезнь и не последствия... просто физиология – ранний климакс еще до тридцати. Знать бы... - коротко выдохнула она. И он поежился, почти физически ощутив боль в ее словах.

- Я хочу ребенка.

- Моего? - раздраженно уточнил Вадим. Она перевернула сейчас все с ног на голову, самовольно меняя формат их отношений и ему становилось неудобно в этой новой реальности.

- Нашего. Я уже люблю твою девочку. Яна... - заворковал ее голос, почему-то вызывая этим еще большее отторжение происходящего сейчас: - Кто так красиво назвал это чудо –

ты или жена?

- Ксюша, - резко ответил он и вдруг на каких-то странных ассоциациях всплыл в памяти позавчерашний вечер. Встало перед глазами, будто на экране – он входит на кухню, и Ксюша приветливо кивает ему, отворачиваясь от плиты.

- Привет... Помылся? Обедать сегодня или опять не успел?

- Забыл... кажется, - бормочет он.

- Тогда обязательно поешь супа. Нельзя так, Вадь, загубишь желудок, как отец. Будешь? Мы с Янкой ели в обед – вкусно. Только... - улыбается Ксюша, - у меня желтый лук закончился, пришлось жарить красным, салатным... цвет получился не тот. Но вкусно... поешь?

Боже мой... скрипнул он зубами. Лук, цвет супа... она будто оправдывалась перед ним. Она еще и оправдывается... Куда он катится? Господи, зачем?! Семья с кем – с Еленой? Вместе каждый день, в одной квартире, на кухне?!

Хрипло спросил: - А ты... умеешь готовить?

- Я говорю о серьезных вещах, Вадим! – взорвалась она, - ты мог прогнать меня сразу, я откровенно навязывалась, но ты не стал!

- Прогнать сейчас? – судорожно сжал он руки на руле, поражаясь дикой мысли – что, ее действительно можно было прогнать? И он смог бы это сделать?

- Уже не сможешь. Муж не может... Что вам всем нужно? - прозвучало отчаянно, - сами хоть понимаете – чего хотите?! Смотреть, иметь? Я живой человек и мне не повезло! А в

тебе я увидела свое спасение.

- В Яне.

- Да, и в Яне тоже, - сразу согласилась она, - я могу дать ей очень много... во мне столько нерастраченного, Вадим! И я богата. Это мои деньги, не мужа. Я отработаю, даже не сомневайся – телом, связями. Пусть это звучит цинично, но будет сладко – обещаю. Ты отказался съездить и увидеть мой дом, а зря – для девочки там просто рай! Сад, бассейн, песочная горка... сейчас я работаю над новым ароматом – детским... Пожалуйста, Вадим! - отчаянно заглядывала она ему в глаза. Он отвел их в сторону, спрятал.

- Думай... - отвернувшись, вышла Елена, вышла из машины и пошла к подъезду элитной малоэтажки.

После этого до самого расставания они с ней виделись всего пару раз. Он отказывался от встреч, отговариваясь загруженностью на работе. А сам уже старался что-то изменить – хотя бы раньше приходить домой, но получалось плохо - этот июль был, как последний рывок.

Что делать дальше, он уже решил - Виктор и Слав будут готовить документы на покупку конторы, а он увезет свою семью на юг, к морю. Ему нужна его семья. А странное наваждение ушло тем вечером, схлынуло. Развеялось без следа очарование, истаял таинственный и загадочный флер. Осталось чувство разочарования и неудовлетворенность.

Не было Елены Прекрасной. Была неординарная женщина на год старше его, увлеченная предположительной воз-

возможностью купить себе понравившегося мужчину вместе с полюбившимся ей ребенком. И она считала это вполне нормальным – отобрать дочку у матери. Извращение какое-то – поражаюсь он - подмена понятий, одержимость совершенно дикой идеей. Или крайняя степень отчаяния? Но ведь есть детские дома, а в них такие же девочки... но только совсем одинокие и так же отчаянно нуждающиеся в маме.

Для окончательного разговора Вадим пригласил Елену в ресторан. Прими он другое решение и это была бы «Симфония». Но он выбрал «Реал». Скорее всего, и Елена поняла это, потому что видно было – она тщательно готовилась... и внутренне тоже. Была прекрасна, как никогда до этого и странно спокойна. С улыбкой приняла цветы...

Вадим больше не испытывал к ней ничего, кроме вины и еще, пожалуй, жалости. Ему казалось, что он сумел найти нужные слова и тот самый тон... не хотелось обид с ее стороны. Елена умная женщина, она должна была понять, что ее деловое предложение он отверг, и достойно принять это. Он чувствовал еще и благодарность за это ее спокойствие – почти граничащую с нежностью. Нервы и так были на пределе, а она сейчас сберегла их ему.

А они ой, как понадобятся - еще предстояло наладить отношения с Ксюшей, но это откладывалось – ей всучили работу, и она не отказалась от нее. Будто бы не могла, но он считал, что это последствия его отчуждения – его жена не слепая и не глупая, она чувствовала, что с ними не все в по-

рядке и может быть поэтому подсознательно дистанцировалась от него.

Последнюю их с Леной встречу испортило неожиданное появление Слава. Да еще и Марина... она могла понять что-то не так... или же - так, но Вадим надеялся на поддержку друга. Подходить и объяснять что-то его жене уже не было сил – ушли на объяснение с Леной.

Они и простились достойно – он отвез ее к дому, напомнил про цветы и еще раз извинился, что так вышло. Она молча кивнула, глядя на него, провела рукой по его щеке... Вышла из машины и ушла.

Глава 8

Юг прочно оккупировала жара. Яростно синело небо, широкая вода радовала более густым оттенком синевы, свежая зелень трепетала под ветерком, налетающим с моря... Выйдя из самолета, Вадим жадно вдохнул воздух свободы – от работы, от проблем... хотя бы на время отдыха.

По приезду к месту, как только они с дочкой устроились в комфортабельном номере пансионата, прозвучал телефонный звонок и, ответив на него, он услышал:

- Ну что, герой-любовник...? Лены больше нет - таблетки... отравилась дурашка. На похороны будешь? – устало интересовался незнакомый мужской голос.

- ... В Евпатории... с дочкой, - Вадим с трудом выдавил эти слова из пережатой спазмом глотки.

- Ну, отдыхай тогда. Береги дочку.

Через полчаса, когда он повел Янку на обед, в столовой у него пошла носом кровь. Дальше – больше. Через час где-то, зазнобило и затошнило. Уложив дочку спать, он всю ночь обнимал унитаз или громоздился на него. Утром молодой фельдшер со скорой выписал ему направление в инфекционную больницу.

- Температуры сейчас нет, но остальное... вы же только из поезда?

- Самолетом.

- Без разницы. Все признаки инфекции. Полежите в боксе до выяснения, все равно нужно ставить систему – обезвоживание «на лице».

- А как же дочка? У меня Янка, - растерялся Вадим.

- Тем более нужно «заизолировать» вас от нее. Ладно, - вздохнул парень, - сейчас вызову Ленку – это моя сестра. Не переживайте, у нее даже санитарная книжка есть – помогает тут с посудой, и со спиногрызами обращаться умеет – у нас еще двое младших. Сейчас и прибежит, дом совсем рядом. Заплатите потом сколько не жалко.

- На чужого человека...? – почти хрипел от отчаяния Вадим.

- Да почему чужого? Посмотрите на нее, тогда и решайте. Посидим тут и подождем - так и быть. Ух ты, шустрая! - скорчил он рожицу Янке, - а папка твой заболел.

- Я узе слысала, - выглянула она из-за кровати и перебежала в другой угол - перепрятываться.

Девочка Лена оказалась очень симпатичной и светленькой, как и брат, а еще веснушчатой, лопоухой и лет шестнадцати от роду. Только вошла, сразу же нашла взглядом Янку, заулыбалась и защebetала:

- Такая красивая девочка и скучает? И никто из этих дядек даже не заплел ей косички?

Янка сразу застеснялась, пуская глазки под лоб, а Вадим тяжело поднялся достать из мини-сейфа деньги, но был остановлен медиком:

- Не надо сейчас ничего руками... и вообще - на выход. Ленка, ребенка води к мамке и понаблюдайте. А здесь будет санобработка, я скажу там... На ночь уже, наверное, сможешь вернуться сюда. И глаз не спускать! Малая шустрая до невозможности.

- А сто се-таки с папом? – слышалось за спиной, когда Вадим уже выходил. Лена сразу подключилась и стала что-то оживленно объяснять, а он пробормотал сам себе:

- А с папом бумеранг... Надо бы по голове, а он просто обосрался.

- И не смертельно. По голове хуже, - успокоил его бело-брысый медик.

- Жена с ума сойдет, - поделился своим беспокойством Вадим, чувствуя необъяснимое доверие к обоим – и брату, и сестре: - Первый раз отпустила со мной дочку.

- Ну и не говорите ей. Даже если закроют сейчас. Когда это еще она приедет? Москва?

- Почти. Ближние подступы.

- На самолеты билетов нет, поездом – суток двое. Шутите? Конечно, с ума сойдет!

Все четыре с половиной дня, находясь в отдельном боксе стационара, Вадим коротко докладывал Ксюше о том, как замечательно они отдыхают. Их разговор выглядел, как «доклад закончил», «доклад принял». На просьбу Ксюши дать трубочку дочке, Вадим сказал, что она освоилась тут, веселится и о маме не вспоминает. И он боится, что, услышав

мамин голос... Почему-то именно сейчас врать жене было донельзя противно. Утешал себя тем, что эта-то ложь во благо - исключительно для того, чтобы Ксюша не волновалась за Яну... и за него тоже.

Жгучая вина растекалась внутри кипящей лавой, и столько всего вспомнилось за эти дни... и как Ксюша просилась к нему «на ручки», когда сильно порезала палец – и плакала, и смеялась. А он носил ее по комнате и дул, чтобы не болело... куда-то на ухо. Когда это было...? Тогда она готовила что-то на новогодний стол. Плохая примета, плохой год...

Вспоминался суп этот проклятый, зажаренный красным луком, ночи их – нежные, упорядоченные уже какие-то (в хорошем смысле). И смех, и игры втроем с Янкой, и разговоры... он же живой тогда был, собой был! Не корчил из себя интеллектуального высокомерного мачо, четко контролировал жизнь свою и семьи. А сейчас будто развалина, руина...

Известие о смерти Лены даже не раздавило – расплющило его. Почему-то он ни минуты не сомневался, что это правда – слишком... однозначно звучал голос того мужика из трубки. Муж? Скорее всего... А что он вообще знал о Лене? Да ничего! Демонстрировал свою эрудицию и отслеживал ее у нее... тешил тщеславие и эстетствовал...

А кто ее муж, чем он занимается? Даже как зовут не знал и почему у них такие странные отношения.

Сам факт смерти Лены воспринимался неоднозначно. Вернее, он не воспринимался, как факт. Скорее всего, при-

чиной был шок, потому что стоило только мысленно вернуться к этой теме и мысли сразу же начинали течь лениво и отстраненно. А еще – практично. Инкриминировать ему доведение до самоубийства никто не смог бы даже при очень большом желании. Он обставлялся уже неосознанно, просто в силу профессионализма и опыта, потому и последнюю встречу назначил в людном месте и постарался провести ее максимально деликатно – с цветами, в спокойной обстановке и беседуя ровно и доброжелательно.

Понять ее поступок даже не пытался – слишком плохо знал ее. К тому же сейчас у него уже были причины подозревать ее в некоторой неадекватности – когда настолько кардинально сбиты понятия «хорошо» и «плохо», «правильно» и «неприемлемо», это о чем-то говорит. И еще это ее неестественное спокойствие... оно должно было насторожить его тогда. Если бы он беспокоился о ней.

Так что по этому поводу он не заморачивался. Тогда почему так среагировал? Почему-то он связывал два эти события – известие о смерти Лены и свою болезнь.

После двухдневного обследования лечащий врач развел руками и предположил мощную аллергию на какой-то пищевой продукт – следов инфекции не обнаружили. Шок, стресс? «А что...? Вполне возможно – наш организм иногда реагирует на такие вещи непредсказуемо».

В курортный период, как правило, инфекция возникала вспышками – очагами, редко – эпизодами. Иногда инфекци-

онное отделение бывало переполнено. Сейчас же было затишье, проблемы мест не существовало, и врач отказался выписывать Вадима до полного исчезновения симптомов. Назначил дообследование...

Пятого дня после обеда Вадим вернулся в свой номер и отпустил Ленку, прилично заплатив ей за работу. Она и правда хорошо справилась – Янка загорела, даже казалось – слегка поправилась, а еще она «зарычала».

- Это наш Вовка занимается с логопедом, - рассказывала Вадиму молоденькая няня, - осенью в школу, а он не выговаривал. Ну, а сейчас р-рычит изо всех сил, ну и ваша тоже стала. Это же хорошо?

- Очень, - согласился с ней Вадим.

Он знал, что всю эту неделю Ксюша напряженно работала – не раз наблюдал это, когда она брала работу на дом. И хотя бы часов до пяти-шести вечера не стал ей звонить – не хотел отвлекать, мало ли... По себе знал, насколько внимательным нужно быть, имея дело с цифрами.

А вечером позвонил, чтобы предъявить, наконец, ей Янку. Предъявил... От того, как после имени "Лена" буквально зазвенела тишина в трубке, его бросило в холодный пот. Показалось – речь сейчас шла о той Лене – покойной. Отчетливо осозналось вдруг и это – наконец-то... вдобавок.

Почему у нее такая реакция на это имя – холодел он. Ведь не могла же она знать о той Лене? И – паника! Из-за окончательного принятия для себя смерти Лены или оттого, что

Ксюша могла знать? И – животный какой-то ужас, потому что перед глазами сразу – гроб, стылая земля комьями и то, что он чувствовал маленьким, когда хоронили деда – растерянность, неприкаянность, непонимание... Лену мертвой и в гробу представить он не мог. Может, поэтому виделись дедовы похороны?

Но у него была Ксюша – живая, его... и нужно было срочно объяснить, доказать ей, что она надумала себе что-то не то! Поверит ли еще она после почти недельного вранья из больницы?

А она не брала трубку! И он стал злиться – на нее уже. За то, что не права сейчас, что совершенно беспочвенно надумала себе всякие глупости, что подозревает его черти в чем – на пустом месте! Всего лишь из-за одного слова, что брякнула Янка. И выверился на нее, когда позвонила сама:

- Трубку бери, когда звоню! Не хочу, чтобы ты неправильно поняла Янкины слова. Я немного приболел, поэтому взял ей...

Ксюша совсем не желала слушать его – кричала, злилась, обвиняла... И он тоже рычал, пытаясь вставить хоть слово, потом пытался воздействовать на нее убеждением. Он совершенно не узнавал свою уравновешенную, позитивную жену. А потом прозвучало это – «я уйду, мы с Янкой уйдем, радуйся! И не нужно прятаться в ванной с телефоном, да?!»

Да... Он понял, что сейчас настал момент истины. Теперь только правда, но без подробностей, иначе потеряно будет

все. А у него, собственно, кроме Ксюши и Янки ничего и не было. Просто мелькнуло что-то мимолетное и незначительное, как оказалось сейчас... пахнуло духами и исчезло навсегда. Черствость, бездушие, бессердечность? Да пусть! Перед собой не имело смысла лицемерить – смерть Лены потрясла его, но он не страдал по этой женщине – уже оставил позади, отдалился, мысленно дистанцировался еще тогда. И сердце его всегда оставалось в семье, просто он отвлекся... ошибся. Право на одну ошибку – единственную, есть у каждого. А других не будет.

Он успокоил испуганно хныкающую Янку, и она попросилась на горшок, даже сама притащила его в комнату. Пока сидела на нем, сидел и он рядом – ждал и думал о своем. Очнулся, услышав тяжелый вздох и укоризненный голосок дочки:

- Басюю р-работу деию.

- Да... молодец, - отстраненно похвалил он.

- Кизи! Маинькая моя, беннинькая!

- Зачем, Яна?

- Мама так, - грустно ответила маленькая и бедненькая, поднимаясь с горшка.

- Ты не бедненькая, Ясенька, - дрожали губы, нужные слова подбирались с трудом: - Ты старательная и добросовестная, и... - заглянул он в горшок, - очень хорошо сделала свою большую работу. Молодец.

Отвернулся и почему-то заплакал. Именно сейчас, с доч-

киным горшком в руках, по пути в санузел. Нужно было как-то спасти вот это все – любыми средствами, всеми силами.

И вдруг в голову пришла мысль – снять дочку на фото вместе с Ленкой и показать потом Ксюше. Она сразу поймет, что была неправа хотя бы в этом. А о ванной... и обо всем остальном он расскажет ей, как есть и пусть тогда судит. Что легко простит, уже не был уверен. Ту Ксюшу - из телефона, он не знал и на что она способна, получается – тоже. Но он очень сильно постарается и к чертям гордость и гонор! На колени встанет и вымолит себе прощение. Она не права – он не перешагнул черту... или она говорила иначе – через нее...?

Постучав в дверь частного кирпичного дома, он поздоровался с приятной пожилой женщиной и попросил позвать Лену. Объяснил, что звонил перед этим, предупредил и она должна ждать их. Женщина опустила взгляд и просияла:

- Яська! Да ты к нам в гости с папой? Да заходите, заходите конечно! Ленка! Сюда иди!

Потом он фотографировал довольную Лену вместе с Янкой – «на память». И в этой спешке мелькнуло еще одно – свидетельские показания тоже не будут лишними, чего уж! Ксюша услышит детский голосок Лены, ее объяснения... можно и маму подключить – она расскажет, как Яна гостила у них, как научилась «рычать» у их Вовки...

Не получилось. Опять что-то пошло не так...

- Вадим Сергеевич, кажется... там никто не слушает, -

растерянно доложила ему Ленка. Он проверил – действительно не слушали.

- Дарья Ивановна, - взъерошил он свои волосы, жестко рванув из пятерней: - А нет ли у вас, случайно, знакомых в авиакассах? Срочно нужно возвращаться.

- Самолет – вряд ли... Даже если и есть бронь, то она для разных шишек. Летом уже за месяцы ничего нет. А поездом можно, наверное. Только если кто сдал билет, а это редкость. Или дорогушие – СВ. Говорят, что по десять тысяч стоят, а то и дороже.

- А круглосуточные кассы? Есть? - обрадовался Вадим, - разрешите, я оставлю Яну у вас на время? Вы рано или поздно ложитесь?

- Да дело не в нас, - улыбалась женщина, прислушиваясь, как рычат ее Вовка и маленькая гостья – кто громче: - Девочке спать давно пора. Оставляйте, я уложу ее. Позвоните, как прояснится что. Да, я поздно ложусь, не разбудите, не переживайте...

На следующее утро, уже с собранным чемоданом, Вадим заехал за дочкой. Незаметно втиснул Ленке еще денег и подождал, пока Яна распрощается со всеми.

- Приедете еще – звоните, рады будем. Ленка, Вовка... все мы.

- Обязательно. Мы и на море не побывали. С женой приедем, с нашей мамой... Да, Яна?

- Канесна...

Глава 9

Утром заголосил дверной звонок, и я испуганно вскинулась. Но проснулась не сразу – выплывала откуда-то, сообщала... Натянув на голое тело халат и пошатываясь со сна, двинулась к двери – открывать.

Посмотрела в глазок и коротко выдохнула – за порогом стоял Вадим и держал на руках спящую Янку.

Я смотрела на них. Господи, он что – и правда болел? Худой – не лицо, а одни острые углы и будто потемневший весь. Заскребло что-то внутри, закрутило так противно, дрогнуло. Заполошно рвануло куда-то не туда сердце... Открыла дверь.

Он чуть помедлил, вглядываясь в мое потерянное лицо, потом шагнул через порог и передал мне дочку. Сказал тихонько, чтобы не разбудить:

- Положи ее. Я вниз за вещами.

Молча кивнув, подхватила на руки маленькое увесистое тельце. Легко коснулась губами пахнущих солнечной пылью волосиков, жадно втянула в себя этот запах и, улыбаясь, тихонько двинулась в детскую. Выкупать можно и потом, когда проснется. Осторожно уложив, сняла кофточку, стянула колготки. Яна морщила нос и вздыхала во сне. А я прижимала к своей щеке вялую сонную ладонь и в груди становилось тесно и жарко, а глазам мокро – соскучилась.

- Она загорела, - сглотнув, тихо прошептала Вадиму, по-

дошедшему со спины.

- Море... - неопределенно ответил он.

Кивнула, поправила простынку и пошла мимо него к двери.

- Ксюша...

- Дай, умоюсь. Вы меня из постели вытащили.

Почистила зубы, умылась... жутко не хотелось выходить. И времени у меня теперь ни на что уже не было. Это после нашего разговора он сразу же сорвался домой. Скорее всего и судя по срокам, на самолет билетов не было. Значит или СВ, или самые отстойные места в плацкарте. И зачем?

Посмотрелась в зеркало - противна сама себе. Вспомнились слова кого-то с работы – «как ты можешь хорошо выглядеть, если вчера пила?» И правда. Хотя какая, собственно, разница? На «зачетную бабу» все равно не тяну – там «иной уровень», так что дергаться? Рисовать лицо, холить кожу и волосы, обтягиваться, выпячивая выпуклости и втягивая «впуклости». Те полтора месяца показали – не действует.

Все в том же ночном халате, только поддев под него трусы, с опухшими от сна и пьянки глазами и босиком я прошлепала прямо на кухню за кофе. Нужно было подключать мозг, мне понадобятся все его ресурсы и резервы. Вадим был уже там, сидел за столом даже не переодевшись.

- Руки хоть вымой с дороги и сними дорожное, - напомнила я, не глядя ему в лицо. Почему-то было трудно, почти

невозможно.

- Ты тогда говорила глупости, - помолчав, заявил муж.

- Ну да, - не стала я ничего доказывать. Кому - профи от адвокатуры? Отвернулась, наблюдая за бурой жижей в турке. Отстраненно спросила: - СВ или возле туалета?

- СВ, - обиделся он. Наверное, за Янку.

Кивнула – наверное, в маленьком купе с ней было трудно. Раньше подробно расспросила бы - насколько, но сейчас подвели не только глаза – к языку тоже будто гирию подвесили.

- Кушать будешь?

- Нас кормили завтраком. Очень рано, правда...

- Хорошо.

Гадко, пусто, страшно... и больно. Но плакать не стану – отказываюсь, хватит.

Отвернулась к окну – пить свой кофе. Открыла форточку, впуская запахи лета – терпко запахла только что скошенная дворником трава, загорчило млечным соком одуванчиков. Теплый ветерок легко доносил эти запахи до третьего этажа. Опустила ресницы, щурясь от солнца...

- Ксюша... - легли на плечи руки мужа.

- Не трогай меня... отвыкла, - дернула я плечом, нечаянно плеснув кофе на подоконник.

- Не обожгись, - глухо проговорил он, отступая. Опять сел за стол. Присела и я.

- Переоденься с дороги, - напомнила ему нудным голосом.

И не спешит же теперь – накручивала я себя. А все потому, что сейчас не от бабы.

Нос мигом пережало... Ну, не-ет!

- Нам нужно поговорить, пока спит Яна – не даст потом, - зашевелился Вадим, доставая из поясной сумки миниатюрный «Кэннон».

- Посмотри – это няня Яны. Есть выписной из инфекционки... показать?

Зачем – хмыкнула я про себя. Он что – не мог купить хоть десяток выписных? Или сфоткать кого-то с Яной?

- Не стоит.

- Ксюша... почти четыре дня – кровь из носа, рвота, срачка! - повышал он незаметно голос.

- Хорош-шо, что твоя мама не слышит, - прошипела я.

- Она не любит тебя... вообще никого, кроме меня, Яны и Кати. Это не важно – я сократил ваши встречи до минимума. Важно, что люблю тебя я.

Я молчала, изнутри рвался злой смех. Нельзя ржать... обязательно сорвусь в слезы. Та-ак... значит, железное алиби у него уже имеется, причем задокументированное. А еще от мамы своей он меня спасал. Это тоже плюсики в личную характеристику обвиняемого. Любые доказательства и свидетельства – на ваш выбор. Морда!

Сколько всего такого я наслушалась в их компании! Когда состояние уже определяется словом «навеселе», всегда тянет поделиться достижениями, похвастать своей изобре-

тательностью... Свой круг же – свои в доску. Те, кто оценит – такие же.

- Ну, давай говорить. Я хочу развод... послушай меня, – сжала я на столе кулаки, увидев, как он хмурит брови: - Ты юрист и знаешь, что такого понятия – не дать развод, нет. Но можно затянуть его или оставить меня буквально в чем мать родила. Даже подозреваю, что ты стараешься отнять у меня Яну. Просто назло или потому, что любишь ее – не важно. Этого не будет. Я хорошая мать, не работаю временно – рабочее место ждет меня... и у меня есть жилье – целая трехкомнатная квартира. Не под Москвой, а на севере, но это неважно. Давай сделаем все цивилизованно, - передохнула я, - ругани не хочу из-за Яны. Давай без этого... пожалуйста, - умоляюще заглянула я ему в глаза.

Что-то промелькнуло... такое, в выражении его лица – судорога или гримаса? Будто привидение увидел. Глубоко вздохнул...

- Янка подтвердит, что это ее няня. Ей шестнадцать лет, я вынужден был... действительно болел. Ее брат работает на скорой, мы можем позвонить ее маме – Дарье Ивановне, и она расскажет... даже как Янка выучила «р-р-р» - ее младший сын научил. А Ленка присматривала за ней, пока я болел. Ничего криминального в Евпатории не было.

- А где было? – разлепила я губы, - в ванной, когда ты признавался... «Лена, скучаю», или по ресторанам...?

- Марина все-таки... - вздохнул он, - она не так все поняла,

на самом деле тогда...

- Все! Здесь тебе не суд, - подняла я перед собой ладони, - я смотреть на тебя не могу – заставляю себя. Я все знала и без Марины, не вздумай предъявлять ей. А ты... полтора месяца не то, что... даже не обнял, в щечку не чмокнул. Ты же тоже в глаза не смотрел! Зачем тогда тянешь сейчас, что это тебе даст? Истерики, скандалы? Будут, устрою. Ты хочешь ад? А там она - совершенство, по словам Марины!

- Тише. Тише, Ксюша... - накрыл он ладонями мои кулаки, - сейчас я смотрю в глаза и могу поклясться чем угодно... даже Янкой!

- Нельзя, - прошипела я, - не вздумай.

- Этой женщины уже нет на свете, она умерла, Ксюш.

- А-а-а... так вот почему ты здесь? – озарило меня.

- Нет, - поморщился Вадим, - я что-то... двух слов не вяжу. Мы расстались еще до этого, еще перед отъездом. Я сказал ей, что выбираю свою семью, а с ней...

- Ты выбира-ал. Между румяной булочкой и черствым сухариком? И что не сложилось? Сказала не так или сделала? – горели у меня щеки.

- Я не спал с этой женщиной. Клянусь самым дорогим, что только есть у меня! – сжал он мои руки и я выдернула их, с силой вытерла о халат. Раз и второй... он молча смотрел на это.

- А что тогда? – хрипела, чувствуя себя почти в обмороке:

- Исключительно поцелуи или старый добрый петтинг?

- Подробностей не будет, Ксень, - отрезал он, - но я не изменил тебе.

- Да к черту! – всхлипнула я, - уже все равно... ты на это время забыл про меня, меня будто не существовало! И дома почти не бывал.

- На работе завал, ты же знаешь о продаже, - тянул он ко мне руки. «... это видно - когда руки тянутся, он ласкал их...»

- Ты же уничтожил меня, размазал! Ты... - задыхнулась я словами и не знаю, чем еще: - Подробностей не будет? Ну... тогда их не будет. Да - не будет. Не подходи ко мне сейчас, не касайся, не трогай. Я думаю - не мешай мне думать. И иди, наконец, переоденься и вымойся с дороги. Сколько можно? Бесит. И я сплю в детской. Хотя какая разница, да? Я и в нашей постели тебе не сильно мешала.

- Это была ошибка. Я ошибся, увлекся! Ксюша, послушай меня – она мизинца твоего не стоит! Это было наваждение, бред какой-то, - встал Вадим и пошел ко мне вокруг стола.

- Не лезь ко мне. Не вздумай, - шипела я.

- Никого не было... эти полтора месяца. С тех пор, как мы с тобой... я так соскучился, - вздернул он меня со стула и рывком прижал к себе. Стал целовать волосы, затылок... потому что я отворачивалась, вырывалась.

- Только тебя... одну люблю, - бормотал он мне в ухо, целуя и его тоже, проводя там языком, всасывая мочку...

- Больше никому не говорил... никто другой... мне не ну-

жен – я понял. Это просто ошибка – первый и единственный раз так – не устоял... черт! – пробормотал он, настороженно замирая.

- Не устоял? Трудно было? – взвилась я, оттолкнула – взялись откуда-то силы. Сползла опять на стул, отвернувшись:

- Не подходи, не лезь ко мне. Ты мне зачем теперь... сейчас? Поздно уже, понял?!

- Прости, - легко гладил он меня по плечам, - прости меня. Я понимаю – тебе противно...

Я засмеялась в салфетку, вытирая нос и глотая слезы. Противно? Значит, все-таки есть причины для «противно». И у меня они есть, и, кажется, должно быть легче от этого. Почему же не становится?

- В голове мутится от страха, - бормотал он, - очень боюсь потерять вас, Ксюш. Я не вру, не спал с ней.

- А уже все равно, - тяжело поднялась я со стула. Все равно не было – страшно до колик в сердце, тошно от себя и от него, гадостно!

- Прошу тебя – попробуй... подумай, может ты сможешь? Я прошу у тебя прощения, - медленно опустился он на колени, - что еще мне сделать, скажи, пожалуйста? Что может спасти нас – нас троих, Ксень? Я люблю Янку, тебя люблю. Прости меня, идиота, - обхватил он мои колени, прислонившись головой. Втянул воздух сквозь сцепленные зубы, плечи дрогнули... Я опять заплакала, только тихо.

- К маме... съезжу с Яной. Мама звала в гости, - села я,

перестав его отпихивать. Руки нечаянно потянулись... провела по его волосам. Ничего не видела – будто в соленом тумане все.

Он шевельнулся, поднял голову: - Ты не будешь просить развод?

- Не могу думать рядом с тобой, не получается. Убить хочется, - давилась я слезами.

- Убивай. Только не плачь. Когда ты хочешь ехать, сразу? Лучше не надо, Ксюш. Нам нельзя сейчас разбежаться, даже на время. Пошли, - вдруг потянул он меня за руку, будто на что-то решившись.

Я упиралась, тормозила. Когда поняла, что тащит не в спальню, сопротивляться перестала. Мы вошли к Янке. Она еще спала, но уже успела покрутиться в кровати – простынь сбилась и из-под нее выглядывала ножка и край розовых трусиков.

- Смотри... - обнял меня со спины Вадим, поставив перед собой: - Я думал не о том, о чем... нужно в первую очередь, и ты сейчас - не о том. Вот она – главное для нас. Ей нужны мы двое. Я не манипулирую тобой при помощи ребенка – просто четко осознал за эти дни. Только в несчастливой семье и дети несчастливы – знаю по себе. Обещаю тебе, - горячо шептал он мне в ухо, - сделать все, чтоб Янка была счастливой. Езжайте к маме, Ксюш. Ты хочешь, ты решила – езжай. Я буду звонить каждый день. В сентябре у нас сделка – первые числа. И сразу полечу за вами. У нас с тобой тоже сделка

- доброй воли: я доверяю тебе и отпускаю с Яной к маме. А ты обещаешь подумать. Ксюша?

- Да, - сдалась я, с усилием выдирая себя из его рук. Старательно отвлекаясь от того, что творилось внутри, кивнула на распаренную Янку и быстро зашептала: - Нужно раскрыть ее - лоб влажный, и страшно разбудить – закрутилась вся.

- Форточку открой, и правда - душно. Спасибо, - осторожно поцеловал он мои волосы, - пойду вымоюсь и переоденусь. Она поела утром, потому и спит до сих пор. А я бы кофе выпил.

- Хорошо. Иди... - отошла я приоткрыть фрамугу.

Весь этот день был заполнен Яной. Она и правда рычала - просто дивно. А вечером, постелив себе на диване в детской, я пожелала мужу спокойной ночи и ушла спать туда.

Яна долго не засыпала. И пришлось петь ей песенки, рассказывать про Колобка, потом отвечать на вопросы... «а кобок пацкает газки, када катица?» И что тут ответишь? Не продумали сочинители. И в самом деле – катится ведь глазками по земле.

Ребенок это главное - да. И я подумаю, честно попытаюсь, как и обещала. Поверила я, что секса не было? Пятьдесят на пятьдесят. Вадим казался искренним, но и Марине я верила – отношения там были теплыми, а как далеко все зашло...? Что-то же было? У меня вон и без всякого тепла зашло дальше некуда. Переиграть бы, вернуть назад время! Но это случилось и так уже и останется. Раньше я собиралась сказать

Вадиму о ночи в гостинице – чтобы ему было так же плохо, как и мне. Но не теперь... он оставил подробности за кадром, значит уравновесим - подробностей не будет.

Это неправильно в корне, в принципе! Нечестно. Потому что, если я решусь, мы будем начинать с чистого, нового листа. А получается – не с чистого, а запачканного моим враньем. Но и у меня тоже есть право на единственную ошибку и тоже - без подробностей. Нужно время. Может получится уговорить себя, что та ночь была просто таблеткой от обиды, средством для заживления раны? Чтобы не давило оно каменной глыбой!

Больше я пока не надумала ничего. Трудно решать здесь и сейчас, когда знаешь – пойдя я к нему и случится лучшая ночь в моей жизни, а может и в его. Потому что я хотела этого – до жара и пота, до тянущей боли там, где положено. Потому что тоже соскучилась. Потому что хочет он и всеми силами станет замаливать свою вину.

Спалось отвратительно – ворочалась, смотрела в потолок... слоны вытоптали весь мозг! Не спал и Вадим. Я слышала, как он два раза проходил на кухню. Первый раз, наверное, просто попить воды, а второй... я задремала и уже не слышала, когда он вернулся в постель.

Мне нужна была трезвая голова, чтобы понять – смогу я жить, не домысливая его «подробности»? Безоговорочно верить ему опять? Почему-то же он не хочет ими делиться? А может потому, что и я – страшно и стыдно признаться, что

слишком ярко и вкусно все было? От этого и тошно и больно, и проклятая ревность душит! И Дамокловым мечом – моя гастроль... Я запретила себе углубляться в самобичевание, это путь в никуда. Пожалела о сделанном, осознала и хватит. Хватит уже!

Следующий день наглядно показал – находиться рядом трудно, почти невыносимо. Может потому и вели мы себя неестественно. Старались обойти, не касаясь друг друга – каждый по своей причине, разговаривали с каким-то... преувеличенным оживлением и готовностью, но коротко и только по делу. Снова замолкали... поглядывали, стараясь особо не демонстрировать свои взгляды – будто изучали друг друга или старались вот так – уже без препарирования душ, прочитать мысли и понять состояние. Яську забодали своим вниманием! Не понимали, как вести себя и нечаянно, изо всех сил старались, чтобы хоть выглядело все, как раньше. Хотелось... немыслимо сильно хотелось поменять что-то в себе и муже обратно, вернуть то время или напрочь забыть это – неловкое, болезненное. Не получалось. Хотелось сказать – «не верю», как Станиславский. Вадиму, наверное, тоже.

Давили стены, не хватало личного пространства и, казалось – даже воздуха. Выйти бы на улицу, но там, как назло – гроза. Ветер порывами, пыль по тротуарам, первые тяжелые капли, гром... острые вспышки молний, запах озона из форточки. Ливень... Стояли у окна вдвоем, смотрели...

Переночевали опять. Не выспавшись накануне, просыпа-

лись с трудом, но Янка добудилась обоих. За один прошлый день она разбаловалась ужасно, решив наверное, что родители у нее в безусловном рабстве. Капризы, взбрыки...

Вадим предупредил, что отойдет по делам и, вручив ему список продуктов, я облегченно выдохнула - необходим был хотя бы короткий отдых от его присутствия. Не было его часа полтора-два. Вернувшись, протянул мне роскошную белую розу с обрезанными шипами, провел пальцами по моей руке. Поставил в кухне сумки с продуктами и положил на стол заверенное нотариусом согласие на выезд Янки за кордон. Устало взъерошил волосы, тяжело вздохнул, взглянул большими глазами...

- Если бы ты знала, как я не хочу вот этого... Обещай, что вернешься в любом случае – что бы ни решила о нас.

- А что – есть варианты? – отвернулась я, - закутаюсь в чадру... или как там? И останусь жить в песках? И Янку оставлю там? Не выдумывай. Обещаю...

Глава 10

«Абсолютная монархия, король... Религиозное государство, 98% - мусульмане... Арабский язык... Столица Эр-Рияд... Красное море, Персидский залив... Культура пронизана исламом... Валюта – реал... Достопримечательности... климат...»

Тихо гудели моторы самолета, спала рядом со мной Яна... Я отложила брошюру и устроилась так, чтобы хорошо видеть облачный простор за иллюминатором. Все это я уже знала. Еще с тех пор, когда в панике кинулась изучать все, что относилось к скоропалительному замужеству мамы.

Пополнять свои знания об этой стране я продолжала и всю неделю перед отъездом, между оформлением электронной семейной визы, билетов, внесением в мой загранпаспорт данных Янки, подтверждением родства с мамой – гражданкой СА, и еще, еще... Все это потребовало времени. Еще его требовала Янка. И оно требовалось на сборы, уборку и готовку.

В эти дни домашние дела делались мною по инерции и чувствовала я себя странно - желание нравиться, удивлять, радовать, разнообразить... оно пропало. И будто бы усилия для выполнения домашней работы прилагались те же, что и раньше, но уставала я намного сильнее. Почти перестала есть, вздрагивала от резких громких звуков, суежилась. Не

оставляло тревожное, беспокойное чувство, что все, что я делаю – бессмысленно. Все равно ведь опоздаю, все равно не успею.

Но будто бы успела. И даже выучила несколько расхожих фраз из разговорника для туристов.

Объем усилий, которые нужно было приложить, чтобы попасть в Саудовскую Аравию, пугал. И вначале я задумалась – а так ли это нужно, стоит ли? Сама страна, наверное, не стоила – были в мире места и поинтереснее. Та причина, что там живет мама, тоже не являлась серьезной – она и сама собралась вылететь к нам и сообщив о нашем приезде, я почти сняла ее с самолета.

Причина была в Вадиме, хотя он и очень помог мне со всеми этими оформлениями и поездками в связи с ними. Да просто уже тем, что был моим мужем – незамужним женщинам въезд в эту страну был запрещен. А еще он зачем-то настоял на знакомстве и общении по скайпу с Джаухаром. Маму он знал хорошо, а вот отчима не успел.

Наверное, виновата была я. О мамином замужестве год назад я ему сообщила, а вот подробности озвучивать не стала. В частности то, что отчим на двадцать лет старше моей сорокадевятилетней мамы. Я просто уходила от разговоров на эту тему, потому что не смогла бы ответить на вопросы Вадима и его родных – это обязательно дало бы пищу для очередных инсинуаций свекрови. Хотя и неприятно признавать это, но и я вначале отнеслась к этому браку неоднозначно.

но, а все из-за недостатка информации.

Знала я только то, что чуть больше года назад они познакомились в Дальнегорске. Араб приезжал навестить своего старинного друга-нефтяника – мамино соседа по лестничной площадке. Первый раз они увиделись у него же – мама по-соседски помогала одинокому старику. Потом вдруг случилась поездка Джаухара и мамы в Австрийские Альпы, а я знала, что это место было давней и единственной ее мечтой о путешествиях и тут вдруг...! Женились они по приезду оттуда – тихо расписались в нашем ЗАГСе и сразу же вылетели на Аравийский полуостров. Там тоже была свадьба в семейном кругу, без пышности и помпы. Мама сказала об этом как-то просто и обыденно и даже не скинула фото мне на почту. Или их и не было? Отсюда, собственно, я и заключила, что мамин муж в лучшем случае человек среднего достатка.

Нам с ней нужно было сесть и поговорить обо всем этом, но телефон и даже скайп казались не самым лучшим способом. Слишком много личного было бы в этом разговоре, слишком много воспоминаний и эмоций всплыло бы при этом. И я ждала ее приезда в гости к нам. Сама не решалась, хотя всех нас не раз и очень настойчиво приглашали. Причины были: совсем маленькая Яна, загруженность Вадима и то, что я не хотела рассказывать ему о том, чего сама толком не понимала. Поэтому эта поездка нами до сих пор не планировалась. А теперь я решилась, потому что больше бежать было некуда. А нужно было...

Эту неделю рядом с Вадимом я сравнила бы с моральной пыткой. Нет... он вел себя идеально. Домой приходил вовремя, а если задерживался, то обязательно звонил и сообщал об этом. А я воспринимала это на контрастах с недавним прошлым – слишком свежо еще... Мне катастрофически не хватало «подробностей» - не о них с той женщиной, а о нас с ним. Нужно было знать, что он чувствовал тогда ко мне - когда практически не замечал и совсем не хотел? На что при этом рассчитывал, не уходя из семьи – что я слепая и глухая или слабоумная? А я тогда и сделалась такой, и была, похоже - отказывалась верить, что он так спокойно, равнодушно и буднично рвет все нити, соединяющие нас.

А сейчас опять «воспылал». Но так не бывает - любовь или есть или ее нет. Хотя... я и сама не смогла бы объяснить, что чувствую сейчас к нему. И видела только одно правдоподобное объяснение – со смертью той женщины у него не осталось выбора. А слова Вадима об их расставании – просто слова. И рассказу Марины о притяжении между ними они тоже противоречили.

Мне нужны были его ответы – внятные объяснения, мотивация, причины... Я не понимала! Хотелось разобраться во всем, понять его - даже если это знание окажется болезненным. Хотелось, чтобы он опять стал понятным для меня, а потом, может и родным опять - близким, своим.

Сейчас я не могла говорить с ним прямо и спрашивать откровенно, потому что таким человеком для меня он уже

не был. Необъяснимо трудно было даже просто открыть рот и сказать ему что-то обиденное. А сам он почему-то решил, что объяснения мне не нужны, достаточно его признаний в любви, хотя все его действия перед этим говорили против нее.

Сейчас он вел себя идеально, а я хотела – как раньше, до всего этого. Каждый день он приносил цветы – просто так, а я хотела, чтобы по случаю и причине. Слово «ресторан» стebало по нервам, шум воды в ванной, когда он был там, заставлял замирать и прислушиваться – я ловила себя на этом и злилась на него. И ненавидела себя – за слово «гостиница». Упоминание о его друзьях... А-а!

По ощущениям, это был тупик. Нас объединяла только Янка, и вот она просто купалась в нашем внимании и это тоже было не очень хорошо – избыток его. Еще нас мог бы объединить секс – и он хотел его, и мои обиды бледнели перед желанием быть рядом с ним, как раньше – тесно и близко, отступали перед жгучим желанием получить удовольствие и забыться в нем. Наверное, наша близость получилась бы голодной и отчаянной, и дала бы облегчение только телам. Спасая ночь и только усложняя день.

Недосказанности встали меж нами глухой стеной. И мои в первую очередь. Но до того, как я приму решение о нас с ним, говорить о гостинице не имело смысла. Хотя и молчать тоже было... Напряжение копилось, росло, давило... я сорвалась бы - по поводу или без.

Трудная неделя... Хорошо, что Вадим раньше вышел на работу – сбежал, похоже от всего этого. Но стать ближе пытался, особенно те два первых дня после их приезда. Он вытаскивал нас на прогулки, предлагая разные варианты, но Янка тащила на детскую площадку, и мы шли... И дни шли – и появились долгие взгляды, будто бы нечаянные касания. Он вдруг стал интересоваться – что и как я готовлю, стоял за чем-то за спиной, смотрел... Я чувствовала тепло его тела и слышала беспокойное дыхание. И понимала, что все очень просто – ему необходима разрядка. Такая у них физиология – нужно и все тут. Женщинам не грозит спермотоксикоз, у нас «не звенят от напряжения яйца», не «ломит стояк», не «закашливает» тестостерон и не беснуются все остальные гормоны – скучно все.

Понимала и даже сочувствовала, но не могла... Потому что сразу же после... придется рассказать о гостинице, а он не простит, что не сказала до... И это правильно – у него, как и у меня, должен быть выбор – прощать или нет. Но пока что причины открыться у меня не было. А может это никогда и не понадобится, и мы просто тихо разойдемся, и я своим молчанием не сделаю лишний раз больно нам обоим, не унижу себя в его глазах и не оскорблю его своей изменой.

Все же хотелось бы сохранить добрые отношения, даже если все-таки развод – ради Яны. Но как же морозило это жесткое, рваное слово! Оставляло после себя неприкаянное, сиротское чувство. А если представить его, как объект – ви-

зуально... виделась холодная яма, почти могила. А глубоко в ней – все хорошее, что у нас было. И неизвестно что впереди. Планировать сейчас это «впереди» не хотелось категорически. И я дала себе время до возвращения - "на подумать".

Самолет был большим и комфортабельным – со многими рядами удобных кресел, ароматным ветерком из кондиционера и идеальным обслуживанием, хотя летели мы не в «бизнесе». В кресле рядом спала женщина средних лет – европейка. По другую сторону от меня уютно сопела Яна, убаюканная «драминой». А мне не спалось и до сих пор болели губы. Я даже ходила в туалет смотреть – нет ли там синяков?

Понятно, что Вадим провожал нас. Отвозил в Пулково, таскал вещи и дочку, советовал что-то, успокаивал, но сам нервничал и был очень напряжен. Напоминал бегуна на старте – будто готовился к чему-то, мобилизуя все свои силы. Стало ясно – к чему, когда пришло время нам с Яной пройти за турникет.

Он подхватил дочку, расцеловал в обе щечки и попросил не забывать своего папа. Яська защебетала в ответ и крепко обхватила его шею. И лица окружающих, которым довелось видеть эту сцену, приобрели ожидаемо умильное выражение. Улыбалась и я. Вот тогда он и шагнул ко мне – с Янкой на руках и, притянув к себе, впился в губы. Именно – впился.

Не знаю, что это значило для него, по получилось... сильно. Мне причинило физическую боль и перевернуло душу.

Я затруднилась бы описать все это – сам поцелуй, его взгляд на меня потом, свои ощущения... но это было сильно. И вот тогда я окончательно определилась для себя самой – не отмазкой перед ним, а лично для себя – что серьезно обдумую возможность нашего общего будущего. Решу для себя и потом отдам себя на его суд.

Уходя, оглядывалась. И опять это чувство, будто что-то упустила, не сделала, не успела, забыла! И озарение вдруг, моментально давшее облегчение от многодневного напряжения – нужно было силой, скандалами, угрозами и шантажом... но заставить его говорить и говорить с ним самой! Я же смогла тогда диктовать ему по телефону! Почему не продолжила в том же духе? А духу не хватило – рисовался в уме каламбур. Не хватило смелости и характера. И зря... Я оглядывалась, и он смотрел, до последнего ловя мой взгляд.

Вернусь и жестко препарирую – его и себя. Вскрытие все и покажет – решила я и постаралась успокоиться. И все равно – трогала потом пальцами губы, ходила взглянуть... Закрывать глаза нельзя было – просыпались те ощущения и тянуло требовательно, просило продолжения, ныло! Тихо и безнадежно я проклинала себя и его... Тогда и попросила у стюардессы буклет о стране, в которую летим.

Авиасообщение было формата из точки в точку: Москва – Дахран. Я узнавала об этом городе еще раньше – относительно небольшой, на востоке Саудовской Аравии, в восьми километрах от Персидского залива. Всего около ста двадцати

тысяч жителей, из них шесть с лишним – американцы и это, в основном, рабочие. Дархан – центр нефтеразработок. В городе есть международный аэропорт и расположены военная и воздушная американские базы. Одним из образовательных учреждений является Нефтяной институт, где какое-то время преподавал мамин муж. А еще в Дахране расположена штаб-квартира самой большой в мире нефтяной компании Saudi Aramco. И в этой местности летом не так жарко – спасают океанские муссоны. Все дела...

Мы приземлились.

Встречали мама и Джаухар. Для меня все происходило будто в тумане – сумбурно, смазано, скомкано. Ни рассмотреть их толком из-за поплывших вдруг слез: только, что он в клетчатом платке и белой хламиде, а мама в цветной и шарфе. Ни связать грамотно двух слов: вместо заученного цветистого приветствия - «здрасьте, джабб». Ни толком расслышать что они говорят: из-за шума в ушах... Почему-то я дико волновалась и нервничала.

Ситуацию спасла, как почти и всегда, Яна. Я напомнила ей, что это ее бабушка и она послушно повторила:

- Бабоцька.

- Вот бабочкой я еще не была, - умильно протянула мама, картинно взмахнув широкими рукавами: - Но в принципе не против. Бабочка, так бабочка. А как деда будем звать?

Получалось - «дэт».

Джаухар сел рядом с водителем, деликатно дав нам воз-

возможность поговорить. Черная машина была очень длинной и просторной, а между задними и передними сиденьями поднималась чуть затемненная стеклянная перегородка – звуко-вая изоляция.

- Приедем очень скоро, - быстро заговорила мама, - хочу тебя предупредить – дорогих гостей встречают все домочадцы. Тут у них обычай – всегда один из сыновей живет вместе с родителями. У Джаухара их шестеро, но так получилось – в этот раз увидишь ты только одного. К чему я? Он инвалид, Ксюша, и передвигается в коляске. Пожалуйста, не выказывай жалости – мальчик ее не заслуживает. И еще... - озабоченно смотрела она на меня, - не влюбись только. Там... увидишь сама. Они тут или красавцы писанные или уроды, середины я не замечала.

- Смешно, мама, - покачала я головой.

- А вот и нет, - примиряюще улыбнулась она, - женская жалость штука странная и даже страшная. Помнишь...? – и запела тихонько: - В селах Рязанщины, в селах Смоленщины слово «люблю» непривычно для женщины. Там, бесконечно и верно любя, женщина...

- ... скажет: «Жалею тебя», - тихонько присоединилась я.

- Зы-ылею бидя! – взвыла вдруг рядом Янка.

- Умница наша! – положительно отреагировала на это мама, - но нужно работать над произношением. Поощряли, забавлялись? Можешь не отвечать... А я предупреждала. Уздечку у нее смотрели? А небо? Хорошо. Ладно... все это по-

том.

Мамина специальность была - логопед. Взглянув в окно, она торопливо добавила:

- Тут традиции, условности... свой этикет, Ксюша. Я сразу уведу вас на отдых и остальной инструктаж уже потом. И не трусь – ничего там сложного, просто нужно знать. А сейчас можешь вообще молчать. Моргай, кивай и улыбайся.

Глава 11

Так я и делала. И когда увидела дом – современный, большой, с огромными окнами, небольшим парком вокруг и длинной, уютной какой-то даже на первый взгляд, пристройкой к нему в виде ножки у буквы Т. Нет, это был далеко не дворец. И, скорее всего, рядом с домами с Рублевки он выглядел бы очень скромно и даже аскетично. Но меня очаровал сразу, безоговорочно и бесповоротно.

Молчала и когда увидела молодого мужчину в коляске, которая, жужжа моторчиком, тихо катилась в нашу сторону. Я вежливо улыбалась, стараясь не показать... не жалости – нет. А потрясения от какого-то дикого несоответствия, которое открылось моим глазам. Или ощущения огромной, просто вселенской несправедливости от такого зрелища: легко угадывающееся под белой хламидой жилистое сухощавое тело в инвалидной коляске, широкие сильные плечи и лицо... мама права – этот молодой мужчина, скорее всего мой ровесник, был просто неприлично... прекрасен.

Сказать здесь - «красивый» было бы почти ни о чем. Мужественное, совсем молодое мужское лицо хотелось рассматривать фрагментарно, подетально. Потому что детали эти, каждая в отдельности, производили ошеломляющее впечатление – широкие черные брови, стрельчатые ресницы, небольшие усы и аккуратная бородка, красивый разрез глаз

теплого карего цвета, нос, губы, общая скульптурная лепка лица... И его выражение – спокойное и умиротворенное. Может, все дело в этом? В его спокойной уверенности в себе или какой-то своей правде? И красота жестов: был легкий намек на поклон – едва заметное движение гордой головы, а потом он плавно и быстро коснулся груди – там, где сердце. Крепкие мужские ладони, длинные нервные пальцы...

Что-то сказал – звучным, приятным голосом. И будто бы прозвучало что-то из того – цветистого, что заучивала я. Так приветствуют гостя, чужого человека – не близкого и не родного. Все так и есть.

Я тоже склонила голову в приветствии и молчала уже потрясенно, улыбаясь просто на автомате, пока Джаухар представлял сыну меня и Яну. Потом назвал для меня его имя – Адиль. Нужно будет узнать перевод – успела подумать я и мама увела нас «отдыхать». Это нужно было – передохнуть от настолько сильных впечатлений. Позади слышался мужской разговор – сдержанный, с чуть гортанным мягким разговором.

- Бли-ин... - тихо выдохнула я, - предупреждать нужно, мама.

- Я говорила. И – да, - согласилась она, - впечатление сильное. Но ты – молодцом, а я, было дело – вообще зависла. Шагнула даже пощупать – настоящий он, живой? В этом кресле он уже полтора года – попал под камнепад. Сами ноги ему сохранили, но ходить они никогда не смогут, - негромко

объясняла она, - Сейчас Джаухар говорил ему, что считает тебя своей дочерью.

- Ты понимаешь их? – поразилась я, - за этот год выучила язык?

- Да Бог с тобой! Так – через пень-колоду, знакомые слова улавливаю... на уровне интуиции все. В моем возрасте уже трудно учиться – память не та. И лень имеет место - все, с кем я тут общаюсь, говорят по-русски. И Адиль тоже – покойная жена Джаухара была из наших... из-под Саратова откуда-то. Он вдовел чуть меньше меня – девять лет.

Мы шли куда-то, оставив двухэтажный дом и его парадный вход позади. Я вела за руку притихшую Янку и оглядывалась вокруг.

- Я договорилась, чтобы без церемоний, Ксюш. Дорогих гостей всегда встречают в Доме – парадной его части. Угощение, речи... Джаухар согласился - главное, чтобы удобно вам с Яной. И потом, там мужская половина, а наша, женская – вот здесь, - остановились мы возле тихо журчащего на террасе фонтанчика, перед распахнутыми в дом широкими дверями.

Это была та самая пристройка – ножка буквы Т. Одноэтажная, с белоснежными мраморными полами, которые продолжались на крытой террасе.

Я осматривалась со вкусом, не спеша, чтобы ничего не пропустить.

Мягкие диваны с резными спинками из дерева и кучей

подушек; круглые столики с ажурными «юбками», расписные лампы... Назвать их светильниками, торшерами и бра не пришло бы в голову. Тонкие и высокие белоснежные вазы – будто из прозрачного алебастра; ковры... но их мало – везде светлый камень, простор, воздух... Резные деревянные решетки затягивали потолок и деликатно разделяли длинное помещение на зоны – чтения, настольных игр и просмотра телевизора. В дальнем конце находилась стрельчатая двойная дверь, украшенная сверху богатой резьбой по дереву. И еще две такие же, но только узкие, на равном расстоянии - в противоположной входу стене.

- Здесь гостиная, там – моя спальня. Она же, случается, и супружеская, поэтому уступить ее вам с Янкой я не могу. Ваша комната будет здесь, - распахнула мама одну из узких дверей.

Вытянутое в ширину небольшое помещение было устлано белым ковром, с одной стороны от входа стояла большая кровать и изумительной красоты небольшой резной шкаф для одежды, по другую сторону от двери – диван в пару шкафу и опять столик с ажурной «юбочкой».

- Тесновато и темновато без окон, - отметила мама с сожалением, - но поверь мне – здесь вы будете только спать, ну и переодеваться, само собой. А на ночь мы включим кандей в большой комнате. При открытых дверях будет прохладно и не простынете. А вторая такая же дверь - ванная. Пойдемте, я покажу и сами решите, что лучше с дороги – душ или джа-

кузи? У нас оно скромное и это тоже показатель – вода здесь воспринимается ценностью уже на уровне подсознания, наверное. И каждый сам решает, сколько может себе позволить расходовать – даже в наше время скважин и опреснения.

Мы пошли, посмотрели ванную. Там тоже...

- Почему ты не рассказывала обо всем этом? – тихо спросила я у мамы, когда мы с Яной, уже посвежевшие и переодетые в свободную одежду, вместе с ней сидели на террасе. Наслаждались журчанием и прохладой фонтанчика, любовались небольшим садом: финиковой пальмой, цветущими кустарниками, гранатовым деревом с яркими плодами; виноградом, обвившим длинную овальную перголу с дощатым полом. Небольшие янтарные кисти висели бы прямо над головой, подойди мы туда...

Чисто вымытая Янка притихла среди подушек и помалкивала, адаптируясь и разглядывая все вокруг большими глазами. Я тоже поймала себя на пришибленном каком-то состоянии.

- Не хотелось, чтобы ты неправильно поняла меня, - вздохнула мама, - у нас же меркантильность и даже просто практичность традиционно не приветствуются. И попробуй – докажи, что ты ни сном, ни духом...

- Ты это обо мне? – поразила я, - оправдываешься передо мной?

- Стереотипы, Ксюша, они такие стереотипы... - невесело улыбалась мама, играя золотистой кисточкой пояса: - Мы

же все на «рае в шалаше» воспитаны, на бескорыстную любовь заточены. Это есть и не спорь. Даже в наших мужчинах это есть – трудно верят, что любят их, а не их деньги... особенно когда вокруг почти повальная бедность. Я считаю – вполне нормально оценивать их еще и по тому, чего они добились и достигли в жизни, понимать на что способны. Это важно, Ксюша. Деньги не просто приятный бонус, но еще и нелишний гарант стабильности семейных отношений. Это нормально, когда мужчина, принимающий ответственность за будущую семью, хорошо обеспечен и неправильно, когда наоборот. У Джаухара, благодаря его усилиям и способностям, появилась возможность жить достойно. И его дети росли в достатке, получили хорошее образование. В бедности мало счастья, мало хорошего... Будь папа жив, ты поступила бы не в техникум, а в институт. И после... нищеты я нахлебалась. А в Альпах поняла, что замуж меня зовет человек обеспеченный. В бедуинскую палатку, Ксюша, я даже с ним не поехала бы, – печально смотрела она на меня.

- Бедуины... они же в Африке? – неловко вырвалось у меня. Было стыдно, потому что нехорошие мысли были. Я гнала их, но они были. Поэтому никому и не рассказывала подробности маминого замужества – замуж за старика... причины... я ведь сомневалась в них – мало ли?! Это потом уже начала соображать – по мере узнавания Джаухара. Сейчас было стыдно...

- Кто тебе такое сказал? – удивилась она, – бедуины – пред-

ки всех арабов. И когда арабы завоевали Северную Африку, ортодоксально настроенные бедуинские племена частично перекочевали туда. И здесь – в пустынных предгорьях тоже есть их стоянки. Бедуины презирают «городских» арабов, считают себя выше их, особенно племена «с родом» - знатные.

Мы немного помолчали, а Янка уже выползла из подушек и кругами ходила вокруг фонтана, заглядывала в его выложенную разноцветной мозаикой чашу.

- Да и разве все это расскажешь? – задумчиво кивнула мама на дом, - я говорила тебе, что здесь здорово, приглашала столько раз... Сама не ожидала такого, бродила тут в свое время и во все пальцами тыкала. И это ведь не так, чтобы роскошью считается, представляешь? Огромное значение имеют породы дерева для мебели и решеток, сорта мрамора, производители ковров и керамики... даже размер джакузи и фонтана. У нас здесь все очень просто.

- И очень красиво, мам, - искренне похвалила я.

- Тут я согласна. Если захочешь... здесь образовался русский женский кружок и есть тут одна подруга... вот там дом – все по понятиям. Посмотрим как-нибудь, она обязательно пригласит тебя.

А я вспомнила вдруг! За всеми этими впечатлениями...

- Как я могу позвонить Вадиму, мам? И подруге тоже, - вспомнила я и про Марину. Вот как так? Я даже не поинтересовалась тогда, как она там – после нашей эпической пьян-

ки? Закрутилась.

- Звони с моего, в нем есть все для связи с Россией. Да я наберу... говори – Вадим, - протянула она мне свой смартфон. Оттуда донеслось:

- Я слушаю, Антонина Григорьевна? Встретили моих, долетели благополучно?

- Да, Вадим, - ответила я, - отдыхаем сейчас, отходим от впечатлений. Все хорошо, а Яна притихла – пока осматривается. Я даже не представляю...

- Я тоже... - засмеялся он, - к чему готовиться? И как там тебе?

И я поняла, что мама права – рассказать не получится, это нужно видеть. Слишком непривычным для нас было вот это все. Поэтому получилось только:

- Здорово! Жарко – плюс тридцать два, но мама говорит, что здесь это предел – ветер с моря оттесняет пустынный жар. Влажность... но тут дом из камня – в нем прохладно, есть кондишн... Сад еще. Это нужно видеть, Вадим – странно, непривычно. Экзотика...

- Я буду звонить? – осторожно уточнил он.

- Да... да, только - тарифы. Мама говорит – вацап...

- Значит, будет вацап. Ксюша... - вздохнул он и тон его голоса изменился.

- Я сама позвоню вечером – с этого номера. Расскажу, что делала Янка, а это скоро - она уже зашевелилась. Поговоришь с ней... пока, Вадим.

- Да... пока.

Я посмотрела на маму, она изучала меня...

- Еще – подруге, мам? – набрала я Марине.

Извинилась за молчание.

- Да ладно, я и сама тут... отходила от всего.

Я осторожно поинтересовалась - что там у них со Славом?

- Валя будет представлять мои интересы при разводе.

Я слегка...

- Она же тоже работает с ними, а теперь будет и под ними... руководством, в смысле.

- Сказала – по фиг все и что внимательно присмотрится к Виктору. Зараза, мол, заразительна.

- У них дети, - покачала я головой.

- У тебя тоже. Что сама решила?

- Только решаю, Марин, я сейчас возле мамы.

- Да, - вздохнула она, - возле мамы, оно... легче решать.

Не знаю даже – говорить или нет? Та дама...

- Уже знаю, да, - прервала я ее, не желая поднимать тему, но все-таки не удержалась и спросила: - А... причина?

- Без понятия, - ровно отвечала она, - что люди говорят – привыкла не принимать во внимание. Она и сама могла не знать причин. В нормальном состоянии такое с собой не сотворят. Тут или полный п...ц настал, или просто аффект, влияние момента. На вид вполне себе разумная дама была. Ну... звони, Ксюша, вернешься – пообщаемся. И Валя подтянется, если что, - помолчав, пообещала она. И я поняла

смысл сказанного – если решусь на кардинальные перемены.

- Ксюша... - заговорила мама, положив на столик телефон. Взглянула на Янку, скосившую на него взгляд, улыбнулась и убрала в карман: - Тут порядок такой – женщины не садятся за стол вместе с мужчинами. Мы с Джаухаром его не соблюдаем – он приходит кормиться сюда – на женскую половину. Готовит прислуга – у нас работает семейная пара. Муж – водителем и садовником, а жена – на кухне и по уборке. Готовит она изумительно, но и я частенько даю гастроли – когда хочется удивить и порадовать. Или ностальжи вдруг... и такое бывает. Так я о чем? Ты не против, если мы пообедаем вот прямо здесь и все вместе?

- Вместе? – слегка струхнула я. К такому экстриму еще не была готова: - Что – и Адиль тоже?

- Нет. Он соблюдает традиции и у него сегодня как раз... приемный день, - с сожалением улыбнулась она и внимательно посмотрела на меня: - Ему привезут женщину.

- Женщину? – соображала я. Дошло...

- Проститутку? Мам... я все понимаю, но ты... Ты же говоришь это только для того, чтобы лишний раз... - замялась я, - чтобы не допустить моего интереса к нему? Это исключено, я его вообще не совсем человеком восприняла. Но вот сейчас ты приземлила его конкретно, - лукаво улыбнулась я ей, - живой человек, оказывается. И потребности у него живые. Я не ханжа, мам, все нормально.

Она выдохнула с облегчением:

- Раскусила... Здесь сурово соблюдаются нормы исламской морали, но мужчины... они и есть мужчины. Подпольные бордели и тут есть. И там, в основном, Африка, буддистская Азия... ну и европейки.

- Да уж... А откуда информация?

- И это вопреки всем запретам, - постучала она пальцем по смартфону – интернет, мол: - Такое вот лицемерие... Особенно «летние браки». Вступать в сексуально-денежные отношения с местными мусульманками строжайше запрещено, поэтому заключают официальное соглашение на временный брак – на период выезда в «отпуск» - в Европу, например. И временная жена сопровождает «мужа». Вернулись – брак расторгли, и оп - мужик вернулся в семью. Расплачиваются за это, само собой – деньгами, драгоценностями.

- Та же проституция, - согласилась я.

- Сти... ту... цы, - напрягалась Янка.

- Гос-споди... - расстроено прошипела мама, поднимаясь с дивана: - Ребенок совсем взрослый – уже активно воспроизводит. Что это мы? Расслабились совершенно непозволительно. Янка, а айда – сад тебе покажу? Нужно ее предупредить, - повернулась она ко мне, - там алоэ и не только... чтобы не укололась нечаянно.

Откинувшись на подушки и расслабившись, я наблюдала за мамой. В сиренево-розовом балахоне, подхваченном на бедрах изумительной красоты поясом – шитым золотыми нитями по розовому атласу, смотрелась она замечатель-

но. С тех пор, как я видела ее, она поправилась и стала выглядеть моложе. Здесь – у себя дома, она не прятала волосы, а между грудей у нее я заметила блеснувший крестик. Значит «никах» между мусульманином и христианкой здесь действительно разрешен. Но не одобряется. И неужели правда то, что Джаухар заплатил такой огромный штраф за брак с мамой? Совершенно немыслимые деньги...

Глава 12

Наверное, этот день «сделал» мою жизнь, не иначе – я просто не помнила столько впечатлений «за раз». Даже случилось что-то похожее на эмоциональный срыв – казалось, я никогда столько не говорила, как потом с мамой, и так непримиримо, на таких эмоциях. Так яростно отстаивая свою точку зрения. Слишком сильно поразила меня жизненная ситуация Адиля – и отчаянная, нелепая по самой своей сути беспомощность молодого, красивого парня и то, как он уже врос, укоренился во все это, вжился по-своему. Наверное, на это тоже потребовалось своего рода мужество, но все равно! Одно дело, если совсем отсутствует выбор! Но происходящее *тут* – с ним, было в корне неправильно, на мой взгляд, и нехорошо пахло трусливым смирением. И, конечно же, я знала – как сделать было надо... И сама, наверное, не понимала тогда – против кого или за что на самом деле я воевала в тот вечер? И до этого хватало впечатлений – плохих и хороших, но вот проститутки Адиля стали, наверное, последней каплей

Да и, кроме этого, переосмыслить той ночью пришлось многое...

Раскинувшись на широкой постели рядом с Янкой, я думала... думала... Перед глазами все стоял этот знаковый «прием пищи». Смешно... Впору было посмеяться над со-

бой, своей верой в стереотипы, пониманием значимости «своего, правильного» и их странной инакости... Бред все – я понимала это сейчас совершенно отчетливо. В отношениях между двоими никакой роли не играют культура, менталитет, условности и привычки. Есть двое, а все остальное – фоном, шумом, к которому можно приспособиться или просто игнорировать его – на выбор. Самое главное – не порушить, не пошатнуть в себе то самое ощущение – тонкое и почти нереальное, сквозящее в каждом взгляде, в каждом жесте и слове. Устойчивое и крепкое ощущение полноты счастья, которое открылась мне, когда я наблюдала маму и ее мужа вместе.

Я плакала потом ночью... много плакала. Чтобы не сорваться в совсем уже истерику, время от времени касалась Янки – клала руку на ее ножку, легко гладила тонкие, как пух, волосики. У меня была она и это было здорово! И нужно было признать, что не всем дано... не всем положено то, что имела сейчас мама и это правильно – Джаухар объявился вдруг, как награда ей за пятнадцать лет верности памяти папы, и за то, что она делала для меня.

Наверное, они оба заслужили это: потребность в касаниях, глубокие взгляды глаза в глаза и нежную заботу в них друг о друге – в самых мелких мелочах. И такая надежная, такая, блин... самоотверженная готовность угадывалась в Джаухаре, когда они были рядом! Сквозила, прорываясь во взглядах и словах... сложно объяснить, но это чувствовалось

и было – готовность и желание прикрыть, уберечь от всего, что могло даже просто огорчить маму.

Вначале меня покорило это его «любимая» - как что-то показное. Как излишнее, на мой взгляд, откровение, которое не для чужих ушей. А потом я поняла выражение и тон, каким это было сказано – не раз и не два. Эта их цветистость, поэтичность, словесные выкрутасы? Нет – звучало, как должно, как было принято между ними, как ему самому хотелось сказать. И, глядя на них, я как-то вдруг поняла, что ни шариатский суд, ни даже сам Аллах не заставили бы его произнести это слово, если бы не его собственное на то желание.

«Бай...йини»... «хаби...би»... «махбу... бати»... и плюсом – русское «любимая». К концу неспешного застолья, которое растянулось почти до вечера, это стало восприниматься нормально, стало пониматься правильно. Потому что в идеале только так и должно быть и по фигу разность культур, веры и менталитета! Даже их крон-принц отказался заводить гарем и имеет одну жену. И это тоже говорит за то, что все зависит от человека и его отношения, его чувств – плыла я от понимания этого.

- Мама... - давилась я словами уже когда Джаухар ушел на свою мужскую половину, и Мухсия - женщина средних лет в темной одежде помогла нам с мамой убрать со стола:

- Он же, как папа! Так же негромко говорит и так же смотрит на тебя. Посмеивается по-доброму, поглядывает так...

Не учит, не диктует – просто советует... считается. И улыбается... тоже так – мне не объяснить! Он знает, что ты видишь в нем папу?

- Дурочка... - вздыхала мама, - я человека в нем вижу, который мне подходит, а я – ему. Мне хорошо с ним рядом, а ему – со мной, что еще?

- Двадцать лет, мам, разница, - пыталась я понять ее до конца, - он уйдет первым. Когда-нибудь – не скоро, но ты это понимаешь? Что с тобой будет, ты справишься?

- Я просто вернусь домой, Ксюша, если так, - кивнула мама, - это одна из причин того, что решиться было очень трудно. Что еще, солнышко? Давай сейчас выясним все – что еще тебя волнует, смущает, коробит, бесит, наконец? Говори.

- Шестьдесят девять, мам... ты говорила... прости – супружеская спальня?

- Да-а... - смеялась мама, поправляя бантики в косичках Янки: - Непривычно говорить с тобой, как с подружкой. Но может, я захочу похвастаться? Или порадоваться? - вздохнула она.

Сумбурный получался разговор, но нужный нам обоим, наверное, раз она все же сказала это: - Когда встал вопрос о его возрасте... подняла его не я. Не смейся только, пожалуйста – я не смеялась тогда над этим, не хотелось. И сейчас не хочется. Он сказал – когда мой конь устанет скакать, для тебя останутся мои губы и пальцы... моя женщина никогда не будет голодной.

- Меньше всего меня волнует это, Ксюша, - сморгнула она слезы, - меньше всего... Страшнее всего терять. Но он говорил, что я стану его последней радостью, я – его фаррах... Просил быть рядом, разделить с ним лучшие - самые мудрые годы его жизни. Обещал заботу, а я тоже, конечно, видела... да, он очень похож на Андрея - не внешне... ты тоже заметила.

- Папа тоже так – «радость моя», - шептала я.

- Мы с Андреем венчаны, Ксюша. «Там» я надеюсь встретить его. А Джаухар и моя тоже последняя радость. Не осуждай меня, пожалуйста – я очень трудно решалась.

- Но в бедуинскую палатку не пошла бы? – уточнила я.

- Нет, Ксюш - не тот возраст. Трудно решалась, - повторила она, - и Альпы... это просто маленькая гирька на весах.

Ночью я плакала.

Не от зависти – боже упаси! А от понимания – если я и решусь остаться с Вадимом (о его решении пока речь не шла), то только ради Янки. Ушло что-то... не стало. Он виноват был в этом или я, спал он там с ней или нет - уже не важно. Но оно ушло из меня, пропало – такое, как у мамы и Джаухара – нежное, беззаветное, трепетное.

Тот поцелуй возле турникета... я хотела тогда... Или это была просто память тела, условный рефлекс? Когда собаку Павлова кормили, она тоже капала слюной на еду, а не на кормящего. А я просто захотела секса? В постель с ним я смогу – заставлять себя не особо и придется, но остальное...

но Яна! Может ради нее и стоит попытаться? Нам обоим?

Я даже не понимала толком - перед мужем ли чувствую вину за ту ночь в гостинице? Хватало того, что она давила на меня, лежала на мне. Я гнала мысли, запрещая себе даже думать на эту тему и у меня получалось. Ничего сложного – аутотренинг, своего рода: нужно найти себе занятие, завалять сознание впечатлениями, отвлечься и – вуаля! До самой ночи ты человек. А потом все равно... Но днем получалось – гнала. Помог бы алкоголь на ночь – как тогда. Анабиоз и все! Но теперь со мной Яна, а еще – запрет на спиртное у саудитов. Тоже экзотика. Хотелось смеяться и плакать – с психикой явно творилось что-то неладное.

Адиль... принц из восточной сказки неожиданно оказался вулканологом. И травму, оказывается, получил на склоне извергающегося вулкана – где-то в Исландии. Все дети Джаухара – шесть его сыновей, выбирали себе профессии по склонности к ним, стремлению и интересам. А у нас в Дальнегорске был только финансовый техникум и еще училище – девочкам можно было выучиться на кулинара. Я хотела бы чего-то другого, а чего - не знала сама. И снова хотелось плакать – о так и не раскрытых способностях, упущенных возможностях...

- Мама... - уже совсем вечером продолжился у нас день односторонних каких-то откровений. Яна уже надежно вырубилась после насыщенного событиями дня и спала в доме, а мы вдвоем поднялись на плоскую крышу женской по-

ловины – теплые доски пола, опять диваны, кальян... Джаухара, наверное. Кадки с карликовыми пальмами и пряными травами и их вечерний аромат, и еще что-то цветущее из сада... Чудный красоты ковер под ногами, небольшая чаша с мини-фонтаном – для омовения рук? После шкатулки с драгоценностями мамы я уже не удивлялась ничему. Просто хотелось ясности во всем – и по Адилю тоже.

- Мама... - делилась я с нею мыслями, - что с ним не так? Я поняла – теперь он работает с информацией по вулканам и это нормально: кто-то лазит по склонам и снимает данные, а кто-то их систематизирует и делает на основании этого выводы... и ладно с этим! Но вот так – намертво прикованным к компьютеру и креслу, пробавляясь проститутками? Мам?

- Ступни раздроблены, Ксюша, - помолчав, объяснила мама: - Встать на них – мука мученическая, это адская боль. Он пытался вначале ходить на костылях, но при этом все равно же нужно хоть как-то опираться стопой. Ему предлагали отнять их, но решиться на это... Я даже не знаю, как поступила бы сама.

- Он мужчина, мама.

- И что теперь? – не поняла она.

- Я не о половых признаках... sorry. Понимаю твои чувства – ты относишься к нему, как к пострадавшему ребенку – в силу своего возраста. Но он мужчина, мама! Молодой, но уже мужчина – двадцать шесть это уже возраст осмысления, отрезвления от всех этих... заблуждений и закидонов юно-

сти. Я по себе знаю! Жидковато, мам. Жидковато против... Маресьева, к примеру. Понимаю, что там был мощный посыл – рвать на части врага, воевать, уничтожать физически тех, кто и сам уничтожал! Но мам... проститутки? Приемные дни? Да, б...дь! Извини... Он что – не видит вас с Джаухаром? Ему что – не хочется такого же? И детей? Понятно, что не всем с этим...

- Ксюша! Я поняла тебя, - прикрывая глаза, откинулась на подушки мама: - Я к нему отношусь с огромным уважением. И узнав за это время, и даже в силу его профессии – тяжелой, мужской, и да – как...

- ... к несчастному ребенку. Но он мужик, мама! И вот эта его инвалидность – тот же враг. Да Маресьев танцевал без ступней, мам, ты же помнишь - через слезы и дикую боль... мы можем только догадываться - какую, но он танцевал до кровавых мозолей! Отмачивал культы в холодной воде, снова пристегивал протезы и шел танцевать, чтобы комиссия допустила его летать на истребителе - не абы чём! - выдохнула я и уже спокойнее сделала вывод: - Слабоваты их мужики против наших. Шестая рота, атака мертвецов в первую мировую... Слабо им. Этот их темперамент, закидоны – они только на рывке. А ты попробуй, как Маресьев – месяцами... через пот, боль и слезы, ради великой цели?

- Ксюшка... - тихо проронила мама.

- Да я понимаю все, извини. Но только то, что у вас двоих – оно того стоит. А тут – проститутки... Ладно, мам, меня

несет что-то... будто пьяная - от впечатлений, наверное. Хотела спросить о твоей работе - ты же не знаешь арабского?

- Ну-у, - рассмеялась с облегчением мама, - я же занимаюсь коррекцией с русскоговорящими детьми, через русскую речь. Платят очень хорошо. Просто сидеть дома - скучно, да и должна же я хотя бы попытаться компенсировать мужу двадцать семь тысяч долларов штрафа?

- Ужас, мам, - хохотала я, пряча лицо в ладонях: - Это просто невозможно! Из каких соображений и кому пришла в голову именно такая сумма? Почему сразу не миллион? А можно, я обниму его завтра и расцелую за тебя? Это можно?

- А он в ответ начнет растроганно раскармливать тебя, как меня в свое время, - поддержала она меня .

- Ты доходяга была, тут я его понимаю, - хихикала я, - женщина должна быть мягкой, да?

- Вот и посмотрим – какой ты отсюда уедешь, доходяга? Особенно после сладостей Аннуры. Это через два дня... свежеприготовленные они особо вкусные. Готовься, там такое: холодные щербеты – мятный, лимонный, нуга... особенно темная - с лавандовым медом...

- Стоп, - поднимала я руки в арабском жесте отрицания, - дальше не нужно. Я уже согласна – женщина должна быть мягкой.

Первый раз за эти месяцы я смеялась. И улыбалась просто так – не заставляя себя из вежливости или для Яны. Мне было хорошо.

А этой ночью я поняла, что мне нормально без Вадима. Там – дома, рядом с ним было трудно и плохо... напряжно - точнее не скажешь. Сейчас я не скучала по нему, говорила по телефону спокойно, не рвалась увидеть или выяснять те самые клятые подробности... Мне хотелось, чтобы вот так, как у мамы... или никак. Вряд ли стоило надеяться на чудо, поэтому, скорее всего – никак. И пускай! Это лучше, чем жить с постоянным чувством вины и без доверия.

Слезы противно стекали по вискам за уши. Я слепо таращилась в темноту спальни - ночи здесь такие... чернильно-темные. А звезды – огромные и удивительно яркие! Голубые и желтые! Ночное небо - почти без темных пятен, потому что везде они – частой россыпью или крупными созвездиями. И пение цикад, и запахи сада, и тихая восточная музыка - фоном... А в доме прохлада от кандея – спи, не хочу. А мне не спалось, а плакалось о том, чего у нас с Вадимом уже никогда не будет хоть ты тресни – просрали оба. Вот так сказать – очень некрасиво, но очень точно. Ушло доверие, ушла чистота из отношений, та самая – святая. Изгваздано, испачкано, испорчено! Безвозвратно...

Глава 13

Потихоньку потекли дни. Тот – первый, словно выпотрошил меня. После него я сдулась, как воздушный шарик, притихла и будто бы стала такой, как всегда. А дальше происходило, собственно, то, за чем я и прилетела сюда – отдых, общение...

Продолжались семейные обеды с Джаухаром. На ужин он никогда не приходил, да и ужином наши с мамой легкие перекусы трудно было назвать. Но несколько раз я замечала его в сумерках. Он и не прятался – наверное, просто приходил взглянуть, чем мы занимаемся. Или скучал по маме, но тут уж... Увидев, что я заметила его, кивал и молча уходил.

Днем были интересные беседы об их истории, о достопримечательностях, которые мне стоило бы увидеть. Об исламских святынях речи не шло, а из того, что предлагалось мне, не хотел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.